

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ДЕТСКАЯ ПЛОЩАДКА

ДЖЕЙН ШЕМИЛТ

Психологический триллер (АСТ)

Джейн Шемилт

Детская площадка

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Шемилт Д.

Детская площадка / Д. Шемилт — «Издательство АСТ»,
2020 — (Психологический триллер (АСТ))

ISBN 978-5-17-145664-1

Страшное преступление навсегда расколется на «до» и «после» жизнь трех приятельниц: богатой домохозяйки Евы, дизайнера интерьеров Мелиссы и скромной жены популярного в прошлом писателя Грейс. Пытаясь любой ценой докопаться до истины, Грейс, Мелисса и Ева уже не боятся сыплющихся из их шкафов все более неприглядных секретов и тайн. Пусть вдребезги разбиваются утешительные глянцевые маски, которые они годами носили на людях, — это уже не имеет значения. Но что же произошло? И почему убийцу следует искать внутри тесного семейного кружка?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-145664-1

© Шемилт Д., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Часть первая. Правда	6
Глава 1. Май	7
Глава 2. Май	17
Глава 3. Июнь	26
Часть вторая. Летние каникулы	32
Глава 4. Июль	33
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Джейн Шемилт

Детская площадка

*Моему мужу Стивену Джиллу и нашим любимым детям: Марте,
Мэри, Генри, Томми и Джонни*

Jane Shemilt
LITTLE FRIENDS

© Jane Shemilt, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Часть первая. Правда

События в самом конце развивались поразительно быстро, словно разгорался огромный костер, один из тех, которые так любят дети. Иногда по ночам я снова слышу потрескивание, напоминающее тиканье часового механизма мины. Я готовлюсь услышать грохот и вижу языки пламени. Воздух наполняется запахом гари. Я чувствую обжигающий жар.

Дети все лето плясали вокруг костров в ярких отблесках огня и кричали, как безумные. Мы не вмешивались и наблюдали за ними издали, куда пристальнее следя друг за другом. В те долгие жаркие месяцы мы распалялись, иссушенные и чего-то ждущие, и ни о чем не догадывались до тех пор, пока не стало слишком поздно.

Прежде я думала, что правда – очень простая вещь. Что она может быть только одна, цельная и необходимая, как, скажем, свет или вода. Теперь я знаю, что она многослойна и некоторые из ее слоев прозрачнее, чем другие. Если внимательно присмотреться – чего мы не делали, – сквозь верхний слой можно разглядеть лежащую под ним тьму. Он вроде корки льда над водой в глубоком пруду.

Ева не солгала. Она сказала полиции, что любит своих детей и счастлива в браке с Эриком. Все было именно так и являлось верхним слоем правды. Однако она не упомянула о том, что недостаточно внимательно следила за детьми, и ни слова не обронила о своем романе. Не рассказала, как расстроилась Соррель, и что не выслушала дочь как следует. Но я не думаю, что она скрывала это намеренно. Она не разглядела правду, хотя та маячила перед ее глазами.

И Мелисса – дизайнер, жена и мать, прятая за этой идеальной внешней оболочкой. Мы не смотрели вглубь почти до самого конца, а тогда уже ничего было не изменить.

Дети... Ну, им никогда не приходило в голову сказать нам правду. Вероятно, они даже не понимали, что лгут. Они просто выживали. Мы все скользили по тонкому льду. Никто не смотрел в лежавшую под ним глубину, и это было довольно глупо, если учесть, что случилось.

День, когда все завертелось, начался для всех нас одинаково: полным солнца, жизни и надежд. Без малейшей мысли о плохом.

Глава 1. Май

Ева

Ева печет на кухне хлеб. Ее руки замешивают и мнут тесто, придают ему форму и бросают на горячий противень. Эти звуки будут проникать сквозь потолок к кроваткам, где спят дети. Они запомнят звонкие шлепки и запах, свет, льющийся сквозь занавески, – ощущение безопасности и покоя. За открытыми окнами сад смыкается с лесом, отблески солнца играют в высокой траве. Воздух уже пронизан теплом. Ева делит тесто на шарики, а остатком заполняет форму для выпечки. Достает рогалики и выкладывает их на подставку.

Все готово: книги, стопки бумаги, карандаши для каждого ребенка и бирки с именами, написанными ярко-синими чернилами: Поппи, Изабелла, Блейк. Она бросает взгляд на висящие над раковиной свидетельства: Ева Пембертон, бакалавр начального образования (с отличием). Сертификат размером поменьше значит гораздо больше: это диплом, дающий право на обучение детей с дислексией. Курс, который она прошла онлайн в этом году ради Поппи.

На кухню заходит Эрик. Он тянется за рогаликом, который исчезает почти мгновенно.

– Волнуешься?

Ева передвигает лежащие на столе карандаши, пока те с легким стуком не сбиваются в кучку.

– Немного.

– Надеюсь, оно того стоит.

Он целует ее, чуть царапая щетиной щеку, и поправляет прядку волос за ухом.

– Тебе не стоило заставлять себя и ввязываться в это. Поппи отлично помогут и в школе, нужно лишь время.

Ева качает головой, отодвигается и ставит чайник на плиту.

– Время работает не в ее пользу. Если чувствуешь себя дурочкой, имеют значение каждый день, каждая минута. Я должна попытаться ради нее. Возможно, это кажется каким-то чудачеством, но...

– Нужно делать то, что велит тебе сердце.

Эта его любимая фраза обычно помогает. Эрик улыбается жене. Он почти не изменился с тех пор, как они встретились двенадцать лет назад. Сад тогда еще принадлежал отцу Евы, и молодой ландшафтный дизайнер выравнивал там клумбы и сажал деревья. Глаза Эрика такие же небесно-голубые, как тем жарким июньским утром, за неделю до ее выпускных экзаменов. Она лежала в бикини на пледе и что-то записывала. Наверху, на залитой солнцем веранде, был самый разгар коктейльной вечеринки ее родителей; в убежище Евы, спрятанное за клумбой с розами, долетали гомон голосов и звон бокалов. Ева слышала, но не отвечала на зов матери, тонко маскирующей свое нетерпение вежливым тоном. Эрик едва не налетел на нее.

– Какое совпадение, – сказал он, опуская на землю тачку. – Я тоже ненавижу вечеринки.

Когда родители умерли и настало время дележа, ее брат выбрал акции, автомобили, яхту и скаковых лошадей. Еве хотелось простора, и она унаследовала виллу в Греции, окруженную оливковыми деревьями, и дом, в котором выросла, этот самый, с двумя акрами зеленых насаждений между шоссе и железной дорогой. Ей нравилось ходить босиком по кухне, пока дети резвятся в саду, то и дело забегая в дом. Матери вечно не хватало на нее времени, та была слишком занята друзьями и светскими приемами. Ева решила, что у ее детей будет нормальное детство, хотя, как заметил Эрик, до этого было еще очень далеко. Теперь большинство матерей работают. Чтобы полноценно заниматься детьми, нужно научиться лавировать. Что ж, это она и пытается сделать.

Втайне она задается вопросом, не унаследовала ли Поппи дислексию от Эрика. Тот поздно начал говорить, да и потом не отличался многословием. Ее отцу нравилось молчание Эрика, оно его успокаивало. Старик каждый вечер гулял с ним по саду, потягивая вино и указывая трубкой на лес, на засаженные кустарником склоны, на полузаросший пруд рядом с пастбищем, по которому бродили ослы. Размякнув от выпитого, он обнимал Эрика за плечи. Однако когда через три быстро пролетевших месяца тот попросил руки Евы, отнесся к его предложению настороженно. Он посоветовал дочери подождать, но та не сомневалась, что ей нужен именно этот мужчина. Тогда ей хотелось покоя, а не слов; чуткого мужа, сада, детей.

Эрик рывком открывает окно и смотрит на раскинувшийся за лугом лес.

– Деревья следует проредить.

– Не надо, они прекрасны и так.

Ева обнимает мужа и опускает голову ему на плечо. Ей нравятся мягкая густая листва и переплетающиеся ветви, которые скрывают от глаз железную дорогу. Деревья отбрасывают сплошную тень и создают заповедные уголки, где могут играть дети, которые должны иметь возможность хотя бы на время скрыться от родителей, хотя Эрик с этим и не согласен.

– Могу по дороге подбросить Соррель до школы и завести Эша в садик, – предлагает он.

– Сейчас каникулы. Школа и садик закрыты. – Ева поднимает голову с его плеча. – Только не говори, что ты забыл.

Эрик не отвечает, он ее не слушает и что-то прикидывает, скользя взглядом между лесом и лугом. Ему хочется обустроить японский сад. По его мнению, ландшафт должен иметь форму, желательно симметричную и хорошо упорядоченную.

Ева убирает руку.

– Ты обещал присмотреть за Соррель и Эшем, помнишь?

– Обещал, если буду здесь. – Он качает головой, уголки его губ опускаются, взгляд становится виноватым. – Нам только что предложили контракт на вырубку леса в Хрустальном дворце, но с условием, что мы сделаем все быстро. Я бы с радостью взял их обоих с собой, но это небезопасно.

Ева закрывает глаза, призывая себя к терпению. Эрик мог бы рассказать о своих планах и пораньше, но она не рассердится. Только не сегодня – этот день должен стать для детей идеальным. Таким же безупречным, как безоблачное небо над садом и теплый солнечный свет, который уже проникает в окна кухни. Не надо раздражаться.

– Хорошо, они останутся и присоединятся к остальным, когда я закончу урок. – Ева перекладывает бумаги на маленький столик. – Я предупредила Мелиссу и Грейс, что Соррель и Эш иногда могут присутствовать на занятиях. Это совсем неплохо – считается, что малыши оказывают успокаивающее действие на детей с дислексией и придают им уверенности.

– Значит, я прощен?

– Остается надеяться, что они не станут возражать. – Ева выпрямляется и смотрит на лес, представляя детей, играющих вместе после занятия, и их смех, доносящийся до нее через открытое окно.

– Не уверен, что стоит выводить их из дома, – говорит Эрик, проследив за ее взглядом. – Как бы не пришлось сообщать Полу, что его дочь потерялась. Он не из тех, кто прощает.

– Здесь Далвич, дорогой мой, а не джунгли Амазонки. – Ева гладит мужа по щеке. – Если тебя это успокоит, я попрошу Игоря прокосить дорожку через луг. Так за ними будет легче наблюдать.

– Я сделаю это сам. Все, что угодно моей принцессе.

Шутливый поклон. Эрик не любит, когда она просит о помощи его коллегу.

Они познакомились, благоустроявая местный парк. В то время Игорь жил в хостеле и зарабатывал чем придется, чтобы посылать деньги своей семье в Польшу. Эрик предложил ему работу и жилье в старом коттедже для прислуги, пустовавшем уже несколько лет. Они стали

отличной командой: Эрик придумывал и планировал, а Игорь выполнял его указания. Это был крупный мужчина со скуластым лицом бульдога и той же непоколебимой преданностью во взгляде.

По каменному полу расположенной перед кухней веранды бухают тяжелые шаги.

– Легок на помине.

Эрик исчезает, чтобы побеседовать с Игорем. Ева протягивает через окно рогалик и кружку с кофе; Игорь кивает, принимая их. Его лицо наполовину скрыто огромной бородой, кепка низко надвинута на глаза. Он редко заговаривает с Евой: то ли от стеснения, то ли из-за природной замкнутости – она так и не поняла.

– Кто здесь принцесса?

Появляется Поппи, принарядившаяся для этого дня в расшитый блестками красный жакет, извлеченный из ящика с карнавальными костюмами. Она подслушивала за дверью, любимая старшая дочь с толстыми золотисто-каштановыми косами, веснушчатым носом и покрытыми синим лаком ногтями на пальцах ног. Ей одиннадцать, но хочется выглядеть на шестнадцать.

– Конечно же, ты, драгоценная моя.

Ева пытается ее обнять, но Поппи хватает рогалик и бросается к двери. Ева с легкой грустью смотрит ей вслед: прежде дочь позволяла себя обнимать. Тогда она так крепко прижимала детей к себе, что в переплетении рук и ног трудно было определить, где проходят границы между ее и их телами. Поппи исчезает, а в кухню вваливается споткнувшаяся о ноги сестры Соррель. Она привыкла падать и быстро вскакивает на ноги. Ей шесть, она точная копия Поппи, только уменьшенная, более округлая, растрепанная и мягче характером.

– Можно мне рогалик и Эшу тоже? – лепечет она. Ее язык то и дело вязнет в широких щербинах между зубами.

– Конечно, можно, моя малышка, – отвечает вернувшийся за ботинками Эрик. Он поднимает дочь и подносит к столу. Нахмурившись и глубоко вздыхая, Соррель выбирает рогалики и берет по одному в каждую руку. Когда ее опускают на пол, она бесшумно выходит на цыпочках, чтобы не потревожить дремлющего у плиты щенка лабрадора по кличке Ной.

Эрик качает головой:

– Завтракать следует за столом, Ева.

Ева уносится мыслями наверх, где ее дочки перешептываются, натянув на головы простыню, и мусолят рогалики, то и дело роняя крошки. Просочившееся сквозь ткань розовое солнце играет на их лицах. Они наверняка затащили в постель и Эша.

– Следует просто оставить их в покое, – отвечает она.

– Дети нуждаются в порядке.

Эрик завязывает шнурки. К этому давнему спору они периодически возвращаются уже несколько лет.

– Они нуждаются в свободе, – бросает Ева вслед мужу, но тот уже закрыл дверь и топает в своих тяжелых ботинках по гравийной дорожке. Ничего страшного – она позволяет детям оставаться на улице часами, когда его нет дома. Не мешает играть, пока не стемнеет или холод не загонит их в дом. Они носятся по саду, словно забавляясь ее тайным подарком. Она дарит им детство, о котором мечтала, но не имела сама.

Упавший с подставки рогалик пролетает сквозь роящийся пылинками солнечный луч. Ева заглядывает в холодильник: там морковь, небольшие сэндвичи и домашняя пицца. Она достает масло и клубничный джем и, слегка порезав палец ножом, намазывает их на еще теплый тост. Опирается локтями о подоконник и слизывает кровь, прищурив глаза, как греющаяся на солнце кошка. Перед ней раскинулся сад, возле дома кивают огромные головы голубых гортензий, у боковой стены рядом с подъездной дорожкой красуются кусты лаванды и роз. По полю гуляют ослики, дальше тянется луг с высокой травой, за ним виднеются деревья, заметно

выросшие с тех пор, как она была ребенком. Их тень гуще и тянется дальше, чем прежде. Пока она смотрит, лес шевелится от легкого ветерка, будто дрожа от нетерпения встретиться с детьми.

Мелисса

Мелисса целый час занимается в спортзале, который устроила у себя в подвале. Сначала кросс-тренажер, затем гребной тренажер – без остановки, до тех пор пока потные руки не начинают соскальзывать с ручек. После она со всех сторон рассматривает отражение своего тела в запотевших зеркалах ванной: бедра обрели мягкую округлость, плечи выглядят упругими и жилистыми. Проводя бритвой вдоль линии бикини, она неправильно выбирает угол и повреждает кожу. Кровь стекает в воду, обогривая мыльную пену. Мелисса смотрит на струйку, словно та не имеет к ней никакого отношения. В тридцать пять ты еще молода. Всегда найдется, что попробовать: занятия с личным тренером, новую диету. Она поднимается из ванны, надевает махровый халат, босиком шлепает на кухню и ждет, пока закипит чайник, положив ладонь на оконное стекло точно посередине между металлическими краями рамы. До предела разводит пальцы и рассматривает руку как произведение искусства. Промежутки между пальцами формой напоминают ножи, рядом с сухожилиями виднеются впадинки, некоторые из синеватых вен похожи на рубцы. Кончики пальцев дрожат.

Вскипевший чайник наконец шелкает, и Мелисса отворачивается от бьющего в лицо света. Солнце уже нагревает изогнутые линии из кирпича и гравия в пейзаже за окном. Ландшафтный дизайнер предупреждал о важности световых потоков и фокусных точек, но Пол сделал по-своему, и результат оказался не из лучших. Она заваривает ромашковый чай и несет чашку в кабинет, где просматривает электронные письма. Архитектору требуются эксклюзивные жалюзи для его зимнего сада в Далвиче. После нужно будет заказать настенную роспись для квартиры в Челси. Капризные клиенты хотят, чтобы Мелисса была наготове, когда бы они ни позвонили. Ее стол завален компьютерными проектами их кухни, однако они уже два раза возвращали эскизы и вряд ли придут к единому мнению. Она раскрашивала большие листы бумаги, чтобы примерить к стенам их квартиры нежно-желтый и огненно-оранжевый цвета – цвета счастья, хотя есть подозрение, что на самом деле эти люди далеко не так счастливы. Как и мы, думает она, глядя на яркие оттенки. Как я.

Тишину нарушает легкое постукивание. Она потуже затягивает пояс халата и поднимается в гостиную. Ее рано проснувшаяся дочь сосредоточенно работает на ноутбуке, усевшись по-турецки на кожаном диване. На ней пижамные штаны и короткая жилетка, обтягивающая уже заметную грудь. Мелисса прислоняется к двери, замерев от гордости и тревоги. Тринадцать лет. Она пытается вспомнить свои тринадцать, но это время размыто в ее памяти пережитыми страданиями. Постоянные насмешки отца по поводу ее детской полноты привели к фанатичной решимости похудеть. Голоданием и физическими нагрузками она довела себя до последней черты. Ее дважды увозили в больницу. Выздоровливая она медленно и так и не пришла в себя до конца. Теперь она отчаянно желает, чтобы Иззи осталась такой, какой была с самого рождения: счастливой или по крайней мере довольной жизнью, а не затюканной, как мать. И это пока получается. Похоже, комплексы – последнее, чем может страдать ее дочь.

– Привет, зайка.

Иззи вздрагивает и резко захлопывает крышку ноутбука. Она поднимает глаза, ее симпатичное лицо искажает злость.

– Ты что, не можешь постучать? – Она так и пышет яростью. Привычное чувство вины охватывает Мелиссу и накрывает с головой, словно накатившая гигантская волна. Смешно, ведь она не сделала ничего плохого.

– Это гостиная, Иззи. Общее пространство.

– Где папа?

– Прилетает в три часа. Когда ты вернешься, он уже будет дома.

Голубые глаза Иззи вспыхивают.

– Вернусь откуда? Что ты еще придумала?

– С занятия с учительницей, женой папиного ландшафтного дизайнера. Вы познакомились, когда они приходили к нам на обед. Она тебе понравилась.

Иззи подпрыгивает, ноутбук с грохотом падает на пол.

– Да что с тобой такое? Сейчас же каникулы. Зачем ты это делаешь?

– Успокойся, дорогая. Нужно разобраться, как лучше тебе помочь...

– Зачем притворяться, что эта затея для меня, когда на самом деле для тебя? Ты хочешь от меня избавиться, чтобы спокойно поработать. Какое убожество!

Изабелла бросает в мать подушку, но та попадает в вазу, которая опрокидывается и разбивается о мраморный пол. Девочка тянется за другой.

– Кроме тебя, там будут еще двое ребят, – быстро произносит Мелисса.

Подушка опускается.

– Сколько им?

– Дочке Евы одиннадцать, а мальчик, кажется, ее ровесник. – Мелисса смотрит на Иззи и торопливо добавляет: – Иногда с вами будут оставаться и младшие дети Евы. Девочке шесть, а малышу – два года.

Иззи прищуривается.

– Ты, наверное, шутишь.

– Все будут смотреть на тебя снизу вверх, ты станешь главной.

Иззи задумывается. Никто из одноклассников не ждет ее у ворот школы, Мелисса неизменно находит ее в конце дня одиноко стоящей, прислонившись к ограде. Если у нее появляются друзья, то очень ненадолго. В кино или по магазинам она ходит только с отцом. Вероятно, ей очень хочется с кем-нибудь подружиться.

– Сколько ты мне дашь, если я соглашусь?

– Что «сколько»? – не понимает Мелисса.

– Я хочу сто фунтов, – нетерпеливо заявляет Иззи.

Ее дочь не может выглядеть как-то иначе. Густые белокурые волосы; яростный синий взгляд; сильное и крепкое тело; длинные ноги, грациозные, как у жеребенка. Дислексия куда лучше, чем анорексия. Забавно, что оба эти слова звучат так приятно. Будто имена девушек, красивых девушек.

– Пятьдесят.

За все приходится платить. Цена за согласие Иззи невысока; в последнее время дочь стала очень злой. Учителя говорят, что виноваты фрустрация, обычно сопровождающая дислексию, и переходный возраст, конечно. Иззи нашли репетитора и организовали дополнительные занятия в школе, но пока особых результатов нет. Мысли проносятся в голове Мелиссы, как автомобильные потоки на многоуровневой развязке. Иззи права: она сможет закончить работу, если дочь будет чем-то занята. И даже успеет на пробежку.

Иззи улыбается, словно прочитала мысли матери. Наверное, так и есть.

– Годится, – соглашается она, мягко роняя подушку на пол.

– Это на Колледж-роуд, нам понадобится минут десять, чтобы дойти пешком, – говорит Мелисса.

Они могли бы поболтать по дороге. Иззи хоть немного открылась бы. Мелисса представляет себя вместе с ней, словно на рекламном плакате уик-эндов: мать и дочь идут по парку с цветами, держась за руки и смеясь. Наслаждаясь особым временем их единения.

– Пешком? – ужасается Иззи.

– Хорошо, я подброшу тебя на машине.

Мелисса делает шаг вперед и крепко обнимает дочь, несколько мгновений вдыхая чистый аромат ее волос. Иззи согласилась поехать – и это главное, больше она ни на чем не будет настаивать.

– Высади меня, не доезжая до их дома, – требует Иззи, чуть отстраняясь. – Я же не малышка, которую надо сдавать с рук на руки.

Мелисса послушно кивает и удаляется на кухню. С Евой она поболтает, когда приедет забирать Иззи после занятий.

Недавно обустроенная кухня располагается в подвале рядом со спортзалом. Серые бетонные стены идеально выровнены. За дощатыми дверьми скрывается небольшая кладовка с полками. Темная мраморная плита на рабочем столе сделана на заказ. В углу тихонько гудит огромный холодильник. Пол относит старые вещи в сарай, он предпочитает все новое. Он постоянно что-то меняет на кухне – мебель или технику. Говорит, что для архитектора очень важно идти в ногу с современными тенденциями в дизайне. Время от времени он показывает дом клиентам. Двойные двери в дальней стене ведут в мощный дворик, за которым начинаются изогнутые линии ландшафтного сада.

Смуглая молодая женщина в черном одеянии до щиколоток моет пол и что-то негромко напевает. Ее симметричное лицо обрамляет хиджаб. Кошка по кличке Венера отпрыгивает с дороги и принимается играть со шваброй, тряся белыми лапками. Лина родом из Сирии, прежде она работала у коллег Пола, архитекторов, уехавших в Америку, и получила отличные рекомендации. Когда бизнес Мелиссы по дизайну интерьеров стал набирать обороты, семье понадобилась помощница, которая присматривала бы за домом и готовила. Лина живет в обновленной мансарде. Мелиссе уж и не вспомнить, как она раньше обходилась без нее. Девушке, должно быть, около двадцати, хотя из-за просторной одежды и неизменной косметики на лице точно определить невозможно. Пол платит Лине наличными, по субботам приглашая к себе в кабинет. Похоже, ее это устраивает. Лина поднимает глаза и приветливо машет рукой. Мелисса растроганно улыбается. Эта невысокая молчаливая служанка ей близка, иногда даже ближе, чем дочь. Они проводят вместе довольно много времени. Мелисса делится с ней своими мыслями. На прошлой неделе Лина работала допоздна, прибираясь в шкафах. Пол был в отъезде. Мелисса присела за стол с бокалом вина и позволила себе немного поболтать. Лина выслушала и коротко коснулась рукой ее плеча. Мелисса не уверена, что Лина понимает все до конца: по-английски говорит она плохо. Но слушает внимательно, словно союзница. Ее присутствие успокаивает и даже исцеляет Мелиссу, хотя Пол наверняка рассмеялся бы, скажи она ему об этом.

– Превосходно. – Мелисса оглядывает сверкающую кухню. – Спасибо, дорогая. Пропустим цветы не забыли?

Лина кивает. Выжимает швабру и убирает ведро в кладовку. Она ничего не забывает. Белые лилии, особый сорт без запаха, который предпочитает Пол, доставят позже.

– Что с ужином?

Лина снова кивает. Она приготовит его любимую тушеную говядину и поставит ее в холодильник.

– Вы просто ангел. И как мы справлялись до вашего появления?

Мелиссе хочется обнять Лину, но она не решается.

Щеки Лины заливают румянец. Она ставит на стол овсянку, миски, приборы и вазочку с цветами.

– Возьмите выходной, – в порыве благодарности говорит Мелисса. – Иззи уедет, а я намерена поработать. К возвращению Пола все готово. Вы заслужили отдых.

Лина встречается с коренастым бородатым мужчиной, немного угрюмым с виду и постарше нее. По вечерам он ждет ее на улице. Сегодня они смогут провести весь день вместе.

В знак признательности Лина склоняет голову. Мелисса возвращается в гостиную. Иззи все так же таращится в ноутбук.

– К тебе Венера в гости, а я собираюсь немного поработать до нашего отъезда.

Мелиса легонько бросает кошку на колени дочери, и та начинает поглаживать мягкие ушки своего питомца.

Грейс

– Черт! Черт, черт, черт!

Грейс толкает стекло. Заклинившая рама поддается с третьей попытки, и Грейс царапает ладонь об острый край. Спрыгивает с табуретки в ванной и держит кровоточащую рану под струей холодной воды, которая, стекая по руке, попадает на новую белую блузку и рукав аккуратного черного жакета.

– Проклятье!

Администраторы должны выглядеть безупречно, но переодеваться уже некогда да и не во что. Она спотыкается о ботинки Мартина, которые тот бросил на пороге гостиной.

– Да чтоб тебя!

Грейс отдергивает шторы, и в комнату врывается солнце. За окном безоблачное, обманчиво голубое английское небо. С тринадцатого этажа видно далеко. Мартин беспокоился, что тринадцать – несчастливое число. «Не до жиру», – бросила она в ответ. Чарли вид нравится. Отсюда она смотрит на бегающих по огородам лис, в сумерках их изящные силуэты скользят между рядами кустов фасоли. Блейк мечтает о собственном участке, но тогда ему понадобится помощь, а лишнего времени у Грейс нет. Вечерами ей удастся выкроить всего десять свободных минут, а если повезет – то полчаса, не больше. Этого хватает лишь на то, чтобы вытащить толстую красную тетрадь из тайника на верхней полке, где она лежит под стопкой купленных в Зимбабве поваренных книг, и, борясь с усталостью, тайком написать несколько строк.

С дивана доносится приглушенный стон. Мартин уснул на спине, накрыв голову подушкой. Рядом с ним дымится переполненная пепельница, на столе – шеренга пустых пивных бутылок, по полу разбросаны бумаги. Когда Грейс прищуривается, очертания Мартина превращаются в силуэт животного – зверя из саванны, без признаков жизни, брошенного в кузов грузовика ее деда, который на рассвете въезжает в деревню. Кровь капает в пыль. Надрываются петухи. Из труб поднимается дым. Это было далеко и давно. До успехов и неудач. Глубоко в душе ее муж – все тот же молодой студент с горящими глазами. Английский паренек, с которым она переехала в чужую страну. В квартире наверху хлопает дверь – жильцы отправляются на работу. У них с Мартином много лет назад все началось с такого же звука хлопнувшей двери.

Было поздно, большинство посетителей уже, пошатываясь, вывалились на усеянные ухабами улицы Хараре. Пустые бокалы и кружки громоздились на столах в клубах табачного дыма. Дверь в бар распахнулась, грохнув о стену, и сразу захлопнулась. Послышались шаги, на стойку со стуком поставили что-то тяжелое.

– Мы закрылись. – Грейс стояла спиной к стойке и подсчитывала выручку в кассе.

– Черт, не повезло! Может, хоть стакан воды?

Этот голос был словно из радио. Так говорят чистокровные белые родезийцы из высшего общества, олицетворение всего того, что ненавидели ее дед и бабушка. Грейс повернулась, чтобы рывкнуть на вломившегося и выгнать вон, но поверх рюкзака на нее смотрело забрызганное грязью улыбающееся лицо. Таких веселых и живых глаз она не видела ни здесь, ни где-то еще, если уж на то пошло. Она взяла из холодильника бутылку пива и протянула гостю.

– За счет заведения. Только быстро. – Вернулась через пять минут и спросила: – Все?

– К чему спешить? – Он подал ей пустую бутылку.

– Я же сказала, мы закрыты. – И добавила, потому что он продолжал улыбаться, а из его рюкзака торчали книги: – У меня скоро экзамен.

– Какой?

– Английский. На следующей неделе. Чтобы получить аттестат.

– Понятно. – Он достал из рюкзака книгу и положил на стойку. «Большие надежды» Диккенса. – Читала?

Уловка, чтобы заинтересовать ее и завязать разговор, как он позже признался. Ей нравился этот роман, поэтому она кивнула. Он бросил на стойку «Миддлмарч» Джорджа Элиота – она снова кивнула. Потом они сидели на улице рядом с парковкой. Он рассказал, что учится на последнем курсе в Оксфорде, специализируется на английской литературе. Они до рассвета проговорили о книгах, которые прочитали, о своих тайных мечтах о писательстве. Взошло солнце, ослепительное и жгучее, как сегодня. Будущее сверкало всеми красками радуги, как припаркованные рядом с ними машины.

Грейс проводит рукой по седеющим волосам мужа и отворачивается, давая ему поспать еще пять минут. Дети раскинулись в кроватках, рты полуоткрыты, руки – в разные стороны. Придя домой после вчерашней смены, она нашла детей сидящими у телевизора с остекленевшими глазами и до отвала наевшимися пиццы и чипсов. Мартин обнимал их за плечи и делал вид, что позволил это для их удовольствия, а не из-за собственной лени.

Чарли просыпается от ее прикосновения и соскальзывает с кровати, аккуратно перебирая руками и ногами. Блейк неуклюже переворачивается и, ворча, как щенок, падает на пол. Они оба знают, что лучше не спорить, и несутся в ванную, толкая друг друга локтями. Трудно представить, что эти жизнерадостные дети скоро вырастут и оправдают свои имена: Чарли в честь Шарлотты Бронте (выбирала Грейс), Блейк в честь Уильяма Блейка (выбирал Мартин). Грейс тащит детей на кухню и смотрит, как они поглощают молоко, сок и овсяные хлопья.

– Мне точно надо ехать? – хнычет Блейк, вбирая голову в плечи. Грейс зарывает пальцы в его пышную африканскую шевелюру и осторожно потягивает, заставляя поднять глаза.

– Да.

– Почему?

Ей не хочется повторять это снова: одиннадцатилетний мальчик должен писать лучше, чем его девятилетняя сестра; в его возрасте уже бегло читают; он не виноват, что отстаёт, но надо стараться; она заплатила за курс, который нашла в соцсети, пусть не такие большие, но с трудом заработанные деньги.

– Потому. – Грейс разжимает пальцы и указывает на дверь. – Одевайся.

– А мне можно поехать? – Чарли толкает Блейка плечом, тот в ответ пинает ее ногой. Грейс разжимает их.

– Ну пожалуйста, – протяжно хнычет Чарли, дергая Грейс за руку.

– Можешь потом заехать за ним вместе с папой.

– Ты сказала, у них есть собачка. И ослики.

– Я заплатила, чтобы занимались с Блейком, а не нянчились с тобой.

– А как же другие дети? Там есть маленькие мальчик и девочка. Я могу помочь присмотреть за ними. Мисс Говард говорила тебе, что я хорошо лажу с малышами.

Чарли помогает присматривать за младшими учениками на продленке. Это правда, учительница упоминала, что для своих девяти лет она очень расторопна и исполнительна, а также добра, особенно по отношению к малышам. Грейс смотрит в горящие надеждой большие карие глаза дочери.

– Я передам твои слова Еве, но она наверняка уже договорилась с кем-то другим. Посиди в машине, пока я ее спрошу, хорошо? Не хочу, чтобы ты выкручивала ей руки.

Чарли победно вскидывает кулачок.

– А теперь одеваться, – велит Грейс обоим.

Мартин потягивается на диване и зевает, не открывая глаз.

– Мы уезжаем. Чарли с нами, но ты пока не уходи. Возможно, я вернусь и оставлю ее с тобой.

– Ух ты. – Мартин открывает глаза, его лицо становится шире, когда он улыбается. – Шанс провести день в одиночку. Можно сходить в библиотеку. Седьмая глава никак не подвигается. – Он шарит по столу в поисках часов.

Писательство. Для него это курение, кофе, чтение газет, просмотр фильмов, обеды в пабе. А для нее – жевание бумаги, чтобы не заснуть, мучительный поиск правильных слов, изнеможение на следующий день. Она подбирает с пола рубашку и разбросанные носки Блейка и сует их в стиральную машину.

– Я полон благодарности. – Мартин смотрит на жену. – Ты это знаешь, так ведь?

Благодарность – это легко: она почти ничего не стоит. Он влюбился в ее энергию, которой теперь злоупотребляет. Грейс открывает большую банку из-под печенья, стоящую на сушилке за чайником, и достает из груды монеток десять фунтов, которыми заплатит за парковку. Кладет деньги в кошелек и сражается со сломанной молнией на сумке.

– Ты и должен быть благодарен, – говорит она. – Ведь была моя очередь.

Мартин улыбается своей неповторимой нежной улыбкой и целует Грейс. Та смягчается и чмокает его в ответ.

– Фу! – отводит глаза Чарли.

Пока Мартин обнимает детей на прощание, Грейс достает с верхней полки красную тетрадь и кладет ее в сумку. В отеле обычно отводят полчаса на обед, а если работы немного, даже больше. Можно использовать это время для письма.

Они ждут лифт на узкой лестничной площадке. Блейк вздыхает и пинает ногой стену. В лифте пахнет рвотой и мочой, на лестнице эта вонь сильнее. Смотрительнице дома следовало бы вызвать уборщицу. Грейс иногда видит ее, вынося мусор в баки. Эта крупная рыжеволосая женщина с огромными очками на носу редко покидает свою квартиру на первом этаже. Грейс вежливо здоровается с ней и слышит в ответ невнятное бурчание. Похоже, смотрительница терпеть не может жильцов.

Дети вслед за Грейс выходят на улицу. Ее рубашка уже прилипла к телу. На лужайке у стоянки сверкают выброшенные бутылки. Группа подростков, как обычно, околачивается у мусорных баков – тощие мальчишки в ожидании наркотиков. Сегодня к ним присоединился новенький, постарше и повыше ростом. Ярко-зеленые подошвы его кроссовок сверкают, когда он крутится на месте, вышагивает, разворачивается и вновь принимается ходить. Его голова под надвинутым капюшоном опущена. Ему, наверное, лет семнадцать, он худосочный, но уже «бывалый». Он бросает окурок в их сторону, и Грейс пронизывает страх – он смотрит на них, криво ухмыляясь и словно выжидая. Отец Грейс был ветераном Второй Чимуренги в Зимбабве. Он воевал на стороне ЗАНУ против господства белых и своими глазами видел зверства, которым подвергались его соплеменники. Грейс выросла на его рассказах. Ей понадобилось немало времени, чтобы убедить свою семью в том, что Мартин другой, что с ним она будет в безопасности. Она не рассказала родным о расистских граффити на стенах домов, когда они переехали сюда. В то время она была беременна Блейком, им нужен был кров, но они могли позволить себе только эту квартиру. Грейс следит, как ее дети устраиваются в машине, с бьющимся сердцем садится за руль, выезжает со стоянки и включает радио. Ее история начинается вновь и течет под музыку, словно сверкающая на солнце река.

Поппи лежит на кровати и смотрит на пляшущие в лучах света пылинки. Минуты тянутся томительно. Ей совершенно нечего делать. Она закрывает глаза. Эш плачет; Соррель слезливо жалуется, что Поппи не пускает ее на свою кровать. От витающего в доме запаха горячего хлеба подкатывает тошнота. Так и тянет сказать матери, чтобы та при-

крыла свою гребаную пекарню. Ей хочется выйти из комнаты, спуститься по лестнице и окатиться на улице, а потом в другом доме. В нормальной семье, где детям разрешают сидеть за компьютером, смотреть телевизор, есть фастфуд и нормальный хлеб. Где им не надо присматривать за братом или сестрой и играть в саду, как детишкам из гребаной сказки. В школе все считают ее идиоткой. Иззи – девчонка, которая придет утром, – подумает, что она тупая, когда они начнут заниматься вместе. Иззи появится с минуты на минуту, и станет неловко из-за смеха матери – та словно из дурдома сбежала. Она сегодня снова без лифчика, Иззи будет противно. Поппи переворачивается на живот, раздавив рогалик, и зажимает ладонями уши, чтобы не слышать Эша и хныкающую младшую сестру. Жаль, что нет наушников, которые вырубают внешний шум. Если бы могла, она бы вырубила всю свою семейку.

Блейк смотрит в окно машины. Когда они проезжают мимо парка, его товарищи уже играют в футбол. Ему не хочется посещать особые занятия для тупых. Не справившись, он будет выглядеть еще тупее. Он задирает ноги на середину спинки переднего сиденья. Чарли тоже задирает ноги, но выше середины, поэтому он тычет ее в бок, и она смеется. Он тычет сильнее, но она продолжает смеяться. Вот так пройдет весь день.

Иззи выбирает джинсы с прорезами. Ей хочется выглядеть круто, но так, чтобы не было заметно, что ей не все равно. В окно спальни она наблюдает, как мать носится из дома к машине и обратно, что-то укладывает в багажник и громко зовет ее. Опять она надела этот чертов шарфик. Иззи чувствует, как в ней закипает злость. Она сует ноги в самые старые кроссовки и нарочито медленно спускается вниз.

Глава 2. Май

Ева

– О, привет! Вы, наверное, Мартин? Грейс говорила, что вы заберете детей. Чарли и Блейк гуляют с остальными. Им нужен перерыв, они славно поработали. Мой младший сынишка спит, так что сейчас подходящее время. Боже, как жарко, а я и не заметила. Говорят, этим летом будет настоящее пекло.

Господи, да замолчи ты. Это просто человек, обычный мужчина. Пригласи его в дом.

– Извините, проходите, пожалуйста.

Будучи столь известным, он выглядит излишне застенчиво. Топчется на пороге, чуть наклонив голову, как мальчишка. Он буквально нависает над ней. Как Игорь, рост которого пугает. Однако в этом «габаритном» мужчине чувствуется некая притягательность. Волосы взъерошены, как у ее отца, на носу очки, такая же хлопчатобумажная рубашка с закатанными до локтей рукавами, знакомый запах табака. Он кладет на стол стопку книг, снимает куртку и улыбается, оглядывая комнату, как свою собственную. Ева часто представляла его дом – жилище Мартина Коуэна, лауреата Букеровской премии. Мансарда с высоким потолком, рукопись на столе, скомканные листы бумаги на полу. На заднем плане хлопочет его жена. Принесит чай, шикает на детей, выпроваживает их из комнаты. Она убирает переполненное окурками блюдо... нет, тяжелую пепельницу из африканского малахита. Ева читала, что какое-то время он жил в Зимбабве, собирая материал для своей самой известной книги. Он пожертвовал половину премии школе, которая вдохновила его написать этот роман.

– Чаю хотите? Дети испекли пирожные.

– Разве можно устоять перед домашними пирожными?

Он бродит по комнате, рассматривая книги на полках. Ева наливает чай, и он садится, слегка вздохнув – не стоило беспокоиться. Выглядит он вполне довольным, даже расслабленным. Она украдкой смотрит на него: седеющие волосы до воротника, благородный нос с горбинкой, карие глаза, сверкающие из-под век с легкими морщинками. Он смотрит на нее, словно чего-то ожидая. Может, стоит сказать, что ей очень нравится его роман? Она садится напротив, внезапно лишившись дара речи.

– Ну и как прошел урок?

Конечно, ему хочется знать, как дела у сына.

– О, замечательно.

– Замечательно? – Его брови забавно взлетают вверх. – И как показал себя Блейк?

– Сперва он упрямился, но мы вернулись к самому началу – к алфавитным блокам и карточкам созвучий. Как только он стал чуть поувереннее, я предложила ему письменное задание с шаблонами, и он не сделал ни одной ошибки.

– Поразительно. – Его карие глаза вспыхивают.

Ева пододвигает к нему тарелку с парой пирожных. Глазурь на них посыпана лепестками лаванды.

– Он и печь помогал.

– Вот это да! – Мартин откусывает кусочек. – Дома мы ничего подобного не практикуем.

Ева бросает взгляд на прилипшие к плите кляксы теста, на грязные миски в раковине. Грейс привезла детей, будучи одетой в деловой костюм, с макияжем, маникюром и аккуратно забинтованной рукой. По сравнению с ней Ева ощущает себя неряхой, но Мартин улыбается так, словно она, вся взмокшая, не сидит сейчас перед ним в фартуке, с растрепанными, падающими на глаза волосами и, возможно, с пятном муки на щеке.

– В конце мы прочитали главу из книжки, и Блейк точно угадал, что произойдет в конце.

– Из какой книжки? – Сам рассказчик, он подается вперед.

– «Повелитель мух».

– Ммм... она...

– Мрачная? Это была только первая глава. Книгу привезла Иззи. Не думаю, что она догадывалась о содержании.

– Уверен, вы раскрыли в ней самое лучшее. – Мартин кивает, берет второе пирожное и рассматривает пустую тарелку. – Какая необычная вещь. – Он проводит пальцем по изображенному на стекле эллипсу, по черному кругу внутри него. – Тарелка расписана вручную. Вы еще и художница?

– Она из греческой деревни, – смеется Ева. – Это оберег от голубоглазых недоброжелателей. Я много таких купила.

– И как, помогает?

– Пока не жалуюсь.

– Надо же, у вас ямочка на щеке. Сто лет таких не видел.

Ева заливается румянцем. Ей так давно не делали комплиментов по поводу внешности, что она и забыла, как на них реагировать.

– Извините, во мне проснулся писатель. Я по привычке отмечаю необычные лица. – Мартин ставит тарелку на стол. – И где находится эта деревня?

– На полуострове Пелопоннес. У нас там дом. – Кажется, это похоже на хвостовство. Ева теряет и начинает грызть ногти, как в детстве. – Он очень запущенный, – быстро добавляет она. – Сад совсем зарос.

– А мне нравятся подобные места.

Их взгляды встречаются, его улыбка становится шире.

– Идемте поищем детей. – Ева смущенно встает. – Мне пора будить младшего сына.

– Грейс не говорила, что у вас есть малыш.

– Ему почти три года, но по развитию он младше – еще не начал говорить. Боюсь, это дислексия, как у его сестры Поппи. – Ева снова принимается грызть ногти. – Полагаю, мой муж в детстве был дислектиком, а это может передаваться по наследству, как известно.

Она говорит слишком много, упиваясь его интересом, будто утоляет жажду, степени которой до конца не сознает.

– Я молчал до пяти лет, – усмехается Мартин. – И с тех пор с лихвой наверстал упущенное. Не стоит волноваться – все образуется.

Он такой добрый. Из тех, кто понимает.

– Я вас познакомлю.

Они выходят из дома и направляются к стоящей под ивой кровати, но видят в ней лишь пустое гнездышко из одеял. Эш исчез, его красный трактор валяется в траве.

– Он в саду, – задыхаясь, говорит Ева. – Наверное, пошел искать остальных. Все дети где-то рядом.

Мартин следует за ней, оглядываясь по сторонам, пока она быстро шагает в сторону луга. Игорь залез под капот большого зеленого грузовика. Его присыпанная пылью голова склонилась над двигателем, синяя спецовка измазана машинным маслом.

– Игорь, вы случайно не видели, куда побежали ребята? Я потеряла Эша.

Щеки Евы пылают. Эрик прав. Надо лучше смотреть за детьми. Наверное, следовало поддержать их в доме, как он советовал.

Игорь поднимает голову, смотрит на нее, потом на Мартина. Хмурится и пожимает плечами. Ева торопливо идет по дорожке, которую недавно прокосил Эрик, Мартин держится рядом.

– Мы словно в сказке. – Он смотрит на гуляющих по полю осликов и на сверкающий в лучах солнца пруд. – Прежде я никогда не видел осликов в лондонском саду. Невозможно поверить, что мы в самом центре города.

– Отец купил эту землю из-за сада, он был просто помешан на зеленых насаждениях и учил нас с братом ездить на осликах.

– Наверное, фантастически круто – расти на такой свободе.

– Увы, наша няня держала нас на коротком поводке.

Звучит как шутка, но им тогда было не до смеха. Ева не любит об этом говорить, но от Мартина веет дружелюбием, а у нее почти не осталось друзей. Она растеряла их много лет назад. Эрику они не нравились, казались пустыми. Ему хватает семьи, семья – это главное, но иногда ей очень недостает старых друзей.

– А вот Эрик считает, что у наших детей слишком много свободы.

– Разве ее бывает слишком много?

Эрик называет это недосмотром, но Мартину об этом знать не обязательно. Ева распакивает калитку, и они тут же оказываются в лесу. Окунаются в тишину, словно входят в звуконепроницаемую комнату с толстыми зелеными стенами.

– Поппи! Соррель! – Звуки не проникают далеко. Возможно, Эрик прав – нужно проредить деревья. – Они где-то здесь.

Под переплетающимися ветвями царит полумрак, ноги вязнут в густом подлеске с множеством колючек. Ева ускоряет шаг, спотыкается о торчащие корни, начинает тяжело дышать. В месте, где дети проводят почти все время, она нечастая гостья.

– Девочки?

Где-то справа слышится негромкое хихиканье, под молодым конским каштаном мелькает красный жакет Поппи. Ева подходит ближе, Мартин раздвигает густые заросли ежевики. Дети сгрудились на подсвеченной золотистым солнцем зеленой полянке. Эш спит на коленях у Иззи. Та сидит, подавшись вперед, закрывая малыша своим телом, ее распущенные волосы касаются его лица. Она что-то тихонько говорит; судя по зачарованным лицам слушателей, рассказывает сказку. Поппи валяется в траве перед ней, поигрывая ножкой Эша, Блейк с испачканным землей лицом улегся на живот. Чарли, прислонившись спиной к дереву, гладит щенка у себя на коленях, Соррель рядом с ней.

– Вот видите? – шепчет Мартин Еве. – Детки в лесочке¹.

– Надеюсь, мы не дадим им умереть с голоду, – шепчет она в ответ, испытывая облегчение.

Он смеется так громко, что дети дружно поднимают глаза. Все, кроме спящего Эша и улыбающейся ему Иззи.

– Спасибо, Иззи. Привет, малыш.

Ева нагибается за Эшем. Ему тепло в комбинезоне. Чуть хныкнув, малыш снова успокаивается, прижавшись щекой к ее щеке, а ртом уткнувшись в ее шею. На его ладошках небольшие свежие царапины. Ева знает его кожу наизусть. Она чмокает Соррель в голову и тянется к Поппи, которая отстраняется, сердито покраснев.

Дети поднимаются на ноги, они удивлены. У Блейка недовольный вид. Мартин пытается взъерошить мальчику волосы, но тот сбрасывает руку отца, придвигаясь ближе к Иззи. Поппи жмет к ней с другой стороны. Соррель берет за руку Чарли. Дети явно успели сблизиться.

¹ «Детки в лесочке» – старинная баллада, предположительно XVI в., о сыне и дочери владельца поместья в Норфолке, которых оставили на попечение дяди, унаследовавшего состояние детей, заведя их в лес, где они погибли. – Здесь и далее прим. редактора.

– Следовало присматривать за ними лучше, – сетует Ева, выводя всех из леса обратно на залитый жарким солнцем луг. Она обнимает Эша. Тепло его тельца, прижатого к груди, успокаивает ее.

– Я потерял Блейка в супермаркете, когда ему было всего четыре года. Нашелся он в кондитерском отделе. Уплетал шоколадные шарики сразу из двух пакетов. Не думаю, что Грейс меня простила.

Ева смотрит на его удрученное лицо и улыбается. Он славный, она так и думала. Возле дома, сложив руки на груди, стоит Игорь. Он уже закрыл капот и наблюдает за ними.

– Мы нашли Эша. К счастью, он не потерялся, – говорит ему Ева.

Игорь смотрит на нее.

– Ага, так вот почему его не было под капотом.

Его губы растягиваются в улыбке, он вроде как шутит. Соррель хихикает и машет ему рукой. Ева подталкивает ее к дому. Она представляет теплое тельце сына среди измазанных маслом внутренностей грузовика, и ей становится не по себе.

Из красной спортивной машины, стоящей в конце подъездной дорожки, выходит женщина – стройная блондинка с шарфом на шее и аккуратно зачесанными назад волосами. Когда она приближается, Ева узнает в ней Мелиссу, но сегодня та выглядит по-другому: похудевшей и более напряженной.

– Я опоздала?

– Вовсе нет. Дети погуляли в саду. Ваша дочь хорошо поработала и прекрасно отдохнула.

Ева обнимает Иззи за плечи. Та смотрит на мать из-под челки. Улыбка исчезла с ее лица.

– Правда? – По красивому лицу Мелиссы пробегает дрожь. Еве на мгновение кажется, что та вот-вот заплачет. – Спасибо, это приятно слышать.

– Заходите. – Ева жестом приглашает Мелиссу в дом. – Я покажу, что она сделала.

– Была бы рада... – Мелисса смотрит на входную дверь, потом с сомнением переводит взгляд на дочь.

– Я сделаю чай, – улыбается Ева. – Есть домашние пирожные.

– К сожалению, нам пора. – Мелисса каменеет лицом. – Вы сможете отсканировать работу Иззи и скинуть мне на почту?

– Конечно, – ровным тоном отвечает Ева, скрывая разочарование. Впереди еще масса возможностей познакомиться с Мелиссой поближе. – Значит, до воскресенья?

– Тогда у меня будет больше времени, – говорит Мелисса. – Иззи, скажи «спасибо».

Иззи молча шагает за матерью к машине, открывает дверь и падает на сиденье. Дети смотрят вслед отъезжающему автомобилю.

– Она даже не попрощалась, – обиженно произносит Соррель. Ева обнимает дочь и прижимает к себе. Ищет глазами Поппи, но та уже скрылась в доме.

Блейк ногами собирает гравий на дорожке в небольшие кучки, Чарли с усталым видом прислонилась к отцу.

– Жена, наверное, вас заждалась, – говорит Ева, чувствуя себя виноватой за то, что задержала его так надолго.

– О, Грейс еще не вернулась, она работает полный день. Теперь я буду привозить детей, – отвечает Мартин.

Сердце Евы подпрыгивает от радости. С ним было так приятно поговорить, их беседа заняла в ее душе то место, которое давно уже было готово и ждало.

Когда Мартин кивает на прощание, морщинки вокруг его глаз становятся глубже.

– Спасибо за сказку, – говорит он.

Грейс

– Сказка? Какого черта, Мартин?

Не следует повышать голос и стоять, уперев руки в бока, подражая сварливым женам, но ее муж выглядит слишком благодушным. Рассказы. Домашние пирожные. Какая-то однодневная экскурсия, а не пробный урок. Пустая трата денег. Грейс устала, устала так, что едва держится на ногах. На работе произошел сбой сайта, пьяный гость оскорблял всех подряд, какая-то женщина велела поднести чемодан, словно она носильщик, а не администратор. Грейс не ответила, чтобы не взорваться, но та нажаловалась и на ее молчание.

– Мы должны уметь находить общий язык с клиентами. – Управляющий гостиницей, пухлый коротышка, пристально посмотрел ей в глаза, а затем медленно проскользил взглядом до самых щиколоток. Грейс ушла, проглотив ярость.

– Им было весело, – мягко отвечает Мартин. – Это главное.

– Главное для Блейка – его занятия. Когда-то ему придется сдавать экзамены.

– Необязательно следовать всем правилам...

– Обязательно. – Грейс разворачивается и уходит на кухню. Мартину известно, почему Блейк и Чарли должны следовать правилам, которым следует она сама. Десять минут назад высокий парень возник перед Грейс у входа в подъезд, когда она возвращалась с работы.

– Что ты тут делаешь, сучка? – пробормотал он, стоя достаточно близко, чтобы она уловила отчетливый запах кокаина.

Грейс обошла его, ничего не ответила, не оглянулась и не пустилась наутек, хотя сердце выпрыгивало из груди. Еще не стемнело, она была в рабочей одежде, волосы убраны в пучок, ключи в руке наготове. Она следовала всем правилам, дед заставил выучить их наизусть. Юнец рассмеялся ей вслед, он из тех, кому плевать на правила.

Мартин тоже идет на кухню, наливает два бокала вина, один протягивает ей.

– Ты излишне расточителен.

– Надо отпраздновать, сегодня выдался неплохой денек.

– Давай отпразднуем, когда случится что-то действительно хорошее.

Грейс переносит в раковину грязную посуду и принимается за мытье.

– Дети отлично провели время, а я утром написал пятьсот слов. – Мартин с улыбкой поднимает бокал. – Разве этого не достаточно?

– Будет достаточно, когда начнет продаваться твоя следующая книга, – отвечает Грейс, оттирая вилки. «Или моя первая», – добавляет она про себя.

Мартин молчит, ему нечего сказать. Он знает, что премиальные деньги почти на исходе, а ее заработка не хватит на жизнь. Грейс кладет столовые приборы на сушилку, достает из стиральной машины белье и развешивает его. Ей не хочется распространяться о своем творчестве – еще не время, так спокойнее. Она берет веник и начинает подметать пол.

– Остановись хоть на секунду, Грейси. На кухне у Евы тоже был беспорядок, но это никого не напрягало.

– У них есть место для беспорядка, богатые могут позволить себе не убирать в доме.

Трудно припомнить, когда Мартин в последний раз брал в руки веник, хотя был уговор, что он будет писать и заниматься хозяйством, Грейс – работать, а потом они поменяются. Она слишком устала, чтобы снова заводить об этом разговор. Собрав мусор в совок, она ссыпает его в ведро, убирает на место веник и проходит мимо Мартина в комнату Чарли. Дочь спит, слегка посапывая. Грейс целует ее в щеку, гладит по волосам, вынимает из рук и кладет на столик книжку про поросенка Бейба и выключает свет.

Блейк спит, распластавшись на спине, он так и заснул с неумытым лицом. Грейс присаживается на край кровати и смотрит на него потеплевшим взглядом. Вернись она пораньше,

сын мог бы рассказать, как прошел день, а она – пожелать ему спокойной ночи. Она упускает что-то очень важное, не видит, чем занимаются дети, и даже не говорит с ними об этом. Наверняка есть способ обустроить жизнь лучше, но она его пока не нашла. У Блейка на ногах кроссовки. Когда Грейс их снимает, на пол падает перочинный нож. Ощущая в руках холод металла, она с тревогой раскрывает нож и видит на удивление длинное лезвие. Грейс закрывает нож и выключает свет. В гостиной Мартин смотрит телевизор.

– Взгляни, что я нашла у Блейка. – Грейс кладет нож на стол. – Бог весть что он с ним делает. – Немного дрожа, будто от шока, она садится поближе к мужу, чтобы согреться.

Мартин берет нож в руки и с озадаченным видом разглядывает его.

– Откуда он взялся?

– Понятия не имею.

– Наверное, одолжил кто-то из друзей. В его возрасте я обожал метать ножики.

– Сейчас все совсем по-другому. На днях в школу приезжали полицейские и говорили с детьми о вооруженных нападениях. У Блейка будут неприятности, если его поймут с этим ножом. Может, он уже вляпался.

– Блейк – хороший, у него точно есть разумное объяснение. Я поговорю с ним и выясню, что к чему. – Мартин обнимает ее. – Предоставь это мне, дорогая. Все образуется, вот увидишь. У тебя усталый вид, иди-ка спать.

Грейс кладет нож в сумку, там Блейк не додумается его искать. Опасная вещь исчезает из виду, спрятавшись за кошельком, ключами, портмоне, косметичкой и запасной прокладкой. Конечно, Мартин прав, пусть поговорит с Блейком, как мужчина с женщиной.

В постели он с улыбкой придвигается к ней, обнимает и шепчет:

– Привет, незнакомка.

«Вот так всегда», – думает Грейс, когда в конце дня их головы привычно оказываются на одной подушке. Они лежат в тепле, прижимаясь друг к другу, а все остальное куда-то исчезает.

Однако для Грейс день еще не закончился. Как только Мартин засыпает, она выскальзывает из-под одеяла и садится за кухонный стол, чтобы немного пописать. Время от времени она поглядывает на проносящиеся вдали за огородами поезда – движущиеся в темноте бусинки света. За тысячи миль отсюда, в горах на севере Зимбабве встает солнце. Там жил на ферме ее дед.

Он учил Грейс ходить медленно и внимательно подмечать все вокруг, чтобы вовремя увидеть приболевшего теленка и не проморгать момент, подходящий для начала сбора кукурузы. Сейчас она жалеет, что не спросила, как, черт возьми, при этом успевать делать все остальное. В Лондоне не ходят медленно, имея работу, детей и озлобленных юнцов у самого дома. Она скучает по деду, по всей своей родне, по соседям и друзьям. На родине жизнь казалась намного проще.

– Что ты тут делаешь, сучка? – шепчет она своему отражению в окне.

Мелисса

– У тебя напуганный вид. – Пол встает и обходит стол с бокалом в руке. Кажется, это его забавляет. На нем облегающий костюм, высокие скулы скрывает тень абажура. – Испугалась, что она заставит тебя их съесть?

Не стоило говорить о пирожных. Наверное, следовало принять приглашение Евы. И купить немного домой. Мелисса подозревает, что Пол втайне обожает пирожные – поедает в самолете, или секретарша украдкой проносит их в его кабинет, завернув в бумажные салфетки. Ее предшественница просила позвать его к телефону, с придыханием шепча, но Мелисса особо не беспокоилась – секретарши у Пола не задерживаются надолго.

– Иззи после ужина покажет мне свою работу.

Пол наливает себе еще бокал и садится за стол. Он пьет больше, чем прежде, однако Мелисса не заостряет на этом внимания.

– Но Ева собиралась переслать ее мне.

– Как по-детски это звучит.

– Она отправила ее Иззи, – улыбается Пол, наклонив голову и смотря на жену озорным взглядом, в который та влюбилась много лет назад. – Какая разница, Мелли?

Здесь яркое освещение, в серванте сверкают новые фужеры, букет лилий на столе отбрасывает резкую тень на скатерть. Полу нравится изучать то, что он ест. Точно так же он после будет рассматривать ее. Он обожает видеть, что делает.

– Никакой. – Мелиссе хотелось хоть раз поддержать в руках работу Иззи, но она качает головой. – Вообще никакой.

Пол быстро принимается за еду.

– Не припомню, когда в последний раз я видел ее такой взволнованной.

По дороге домой Иззи молчала, но ее глаза сделались совсем другими, они светились надеждой, словно внутри включили лампочку. Мелисса берет нож и вилку, режет говядину на мелкие кусочки и заталкивает их под лист зеленого салата.

– Расскажи о твоём проекте.

– Он пока еще не мой. Акционеры вынесли решение. – Пол пожимает плечами. – Но нужно какое-то время. Там были все. И другие архитекторы тоже – конкуренция, никуда не денешься.

– Кто все?

– Старшие партнеры с женами. Один с подругой. – Пол держит вино во рту, прежде чем проглотить, потом улыбается. – Им очень понравился мой дизайн. Особенно окна. Когда здание построят, атриум будет возвышаться над Сеной...

Дальше Мелисса не слушает. В Париже Пол наверняка привлёк к себе внимание: высокий, светловолосый, чуть полноватый. Красавец. Такая внешность завораживает женщин, у нее самой до сих пор замирает сердце. Возможно, на него положила глаз какая-нибудь молоденькая, он любит молоденьких. Мелисса заталкивает под лист салата очередной кусочек. Какая же она дура. Пол ездил на конкурс, ему нужно было вести себя образцово, на другое просто не оставалось времени.

– ...возьму Иззи во Францию в следующий раз, – заканчивает он с мягкой улыбкой.

Мелисса откладывает вилку в сторону. Ей не терпелось познакомить Иззи с Парижем самой. Она уже все распланировала: сначала экскурсия на Эйфелеву башню, потом в Лувр. На следующий день они погуляли бы по Монмартру, а после могли бы пробежаться по маленьким бутикам и прикупить себе нарядов.

– Прекрасная мысль, – с трудом выдавливает она. – Иззи будет в восторге.

Через час Пол выходит из спальни дочери, чему-то улыбаясь, и останавливается, заметив стоящую у лестницы Мелиссу.

– Иззи показала мне, что сделала сегодня. Она так устала. Лучше ее не беспокоить, любовь моя.

Мелисса потерянно молчит. Ей очень хотелось увидеть работу дочери, прижаться щекой к ее лицу, поцеловать на ночь. Но она не смеет настаивать.

– Я завтра не поеду на работу. – Пол нежно берет ее за руку, от его шепота Мелиссу бросает в дрожь. – Мы сможем провести денек на море.

Полчаса перед сном она занимается в спортзале, прислушиваясь к доносящимся из кухни по соседству негромким голосам Пола и Лины и надеясь, что муж благодарит девушку за ужин, а не отчитывает ее. Когда Мелисса покидает беговую дорожку, муж уже спит. Она ныряет в постель и лежит неподвижно, стараясь не дышать, но он все равно просыпается и тянется к ней. Включает свет и поглаживает ее спину, живот и бедра, словно оценивая их. Мелисса напряга-

ется. Муж любит стройных, очень стройных и подтянутых женщин. Она закрывает глаза. Через какое-то время Пол просит ее повернуться лицом. Мелисса ведет себя очень тихо. Нельзя беспокоить Иззи, та наверняка уже спит. Все кончается довольно быстро. Пол засыпает, а Мелисса лежит в темноте без сна, из ее глаз текут слезы. Завтра будут волны и пляж, ей не важно какой. Она будет смотреть на играющих Пола и Иззи. Муж будет держать дочь в воде на руках, как маленького ребенка, а ей придется ждать на берегу. Ради Иззи он готов на все, остальное не имеет значения. У самой Мелиссы не было такой важной для девочки связи с отцом, а Иззи повезло, Пол ее обожает. Никто и ничто не должно им мешать, тем более она.

Когда на следующее утро Мелисса открывает глаза, в доме царит тишина, хотя на часах уже девять. В окне – яркое безоблачное небо. Она проспала. Пол, наверное, уже загружает машину, а Иззи принимает душ. Мелисса быстро одевается и повязывает на шею мягкий шарф – голубой, в тон моря и неба. Он новый, с узором из маленьких цветов. Пол предпочитает чистые тона, но Мелисса не смогла устоять. Рисунок на шарфе, конечно, не имеет значения, это такая ерунда.

На кухне Лина насыпает в миску кошачий корм. Кошка с громким урчанием увивается вокруг ее длинной юбки. Лина выглядит усталой, под темными глазами появились круги. Вероятно, она не будет против отвлечься от рутины.

– Лина, мы отправляемся на море, – весело говорит Мелисса. – Почему бы вам не поехать с нами?

Лина качает головой, ее щеки заливают румянец.

– Пожалуйста, дорогая. Вам понравится, я буду рада вашей компании.

Мелисса говорит совершенно серьезно. Ей будет спокойнее сидеть на пледе рядом с Линой, пока Пол и Иззи плавают в море. Она хочет, чтобы девушка в кои-то веки отдохнула. Они смогут прогуляться по пляжу и поесть мороженого. Ну... Мелисса притворится, что его ест. Они подышат соленым воздухом и посмотрят на корабли.

Мелисса открывает холодильник и продолжает:

– Я соберу перекусить. Что вам взять? Уверена, у нас где-то был овечий сыр...

– Мистер Чорли-Смит сказал, что купит что-нибудь по дороге.

Лина не отрывает взгляда от Венеры, аккуратно выбирающей кусочки корма.

– По дороге?

– Они уехали час назад, – отвечает Лина, не поднимая глаз.

Насытившись, кошка ложится на пол. На испачканные остатками корма края металлической миски из окна льется солнце. В такую погоду море обретает насыщенно-синий цвет. Кошка изгибается, чтобы вылизать бока, это выглядит так, будто она выворачивается наизнанку. Мелисса закрывает холодильник и покидает кухню, на ходу развязывая шарф и роняя его на пол. Она звонит клиентам в Челси и сообщает, что сегодня свободна и может наконец в любое удобное им время привезти образцы тканей для штор, чтобы примерить их к окнам. Стены в студии Мелиссы выкрашены черной краской: на темном фоне ярче играют цвета и четче проступают детали. Однако фон надо выбирать осторожно: со временем темные тона блекнут. Собирая лоскутки, Мелисса бросает взгляд на свое отражение в зеркале. В черной блузке и джинсах она почти сливается со стенами.

Блейку не терпится снова отправиться к Еве. Первая поездка оказалась гораздо лучше, чем он предполагал. Ему особенно понравился сад, в котором можно потеряться, и никто тебя не найдет. Под листьями полно всякой всячины – муравьи, шарики кроличьего помета. Грязь там липкая, как тесто для пирожных. «Твои пирожные получились лучшие всех», – шепнула ему Ева. У него никогда ничего не выходило лучше всех. В лесу он запустил руки в грязь, размазал ее по лицу и стал похож на солдата, выслеживающего врагов. В следующий раз он построит из веток убежище, чтобы охотиться на кроликов и сдирать с них шкуру, как тот

парень в телевизоре. Разведет костер, нанижет на палку мясо и зажарит его. И поделится с Иззи, которая специально подарила ему ножик, вот только он потерялся. «Это тебе», – сказала она и улыбнулась. Блейку с ней хорошо, словно он важная персона или типа того. Ему не терпится снова поехать к Еве, чтобы увидеть Иззи.

Поппи зачеркивает дни у себя в дневнике: пять, четыре, три. И, ожидая, ощущает волнение. Раньше она ненавидела воскресенья, но теперь все совсем иначе. Она больше не переживает, что не справится с заданием по правописанию или придется заниматься одной, потому что никто не захочет работать с ней в паре на природоведении. После школы она возвращается в лес на то место, где Иззи лежала под конским каштаном, раскинув руки и ноги. Тогда Поппи устроилась рядом с ней и смотрела на листья с такими изгибами и узорами, каких она в жизни не видала. Потом послышался голос матери. Поппи стало смешно – в нем звучала паника, а ведь прежде мать никогда не паниковала. Они с Соррель постоянно пропадают неизвестно где, однако ей и в голову не приходило тревожиться. Наверное, разволновалась из-за того, что скажут другие родители, если их дети потеряются. Поппи поймала взгляд Иззи, та смотрела на нее и улыбалась. Поппи улыбнулась в ответ, и ей стало удивительно хорошо. Захотелось хохотать. А сегодня в лесу очень тихо. Уже темнеет. Поппи ложится на землю в том самом месте, закрывает глаза и раскидывает руки и ноги как можно шире. Еще три дня. Такой счастливой она не чувствовала себя никогда.

Глава 3. Июнь

Ева

Дни похожи один на другой, и каждый из них приближает воскресные занятия. По крайней мере раз в неделю Ева проходит полмили до книжного магазина в Далвич-Виллидж и набирает корзинку детских книг. В отделе современной прозы она снимает с полки роман Мартина. На суперобложке – фотография пятнадцатилетней давности, на которой он выглядит как молодой Гаррисон Форд. Заметив пристальный взгляд продавца, Ева закрывает книгу и водворяет ее на место.

Снова наступает воскресенье, и она проводит четвертое занятие. После игры в сочетания букв Ева раскладывает на столе перед детьми фотографии. Джейми Оливер, Том Круз, Стивен Спилберг, Ричард Брэнсон, Джосс Стоун, Кира Найтли, Холли Уиллоуби.

– Все они страдали дислексией, – поясняет Ева. – Но добились того, чего хотели.

Блейк сидит тихо, переводя взгляд с одного снимка на другой. Поппи внимательно всматривается в фото женщин, а Иззи бросает на них короткий взгляд и смеется. Поппи тоже хихикает. Ева собирает фотографии и раздает карточки со словами, которые каждому нужно использовать при письме. Блейк, покусывая кончик карандаша, принимается за работу, Поппи хмурится и тоже начинает медленно писать. Иззи небрежно царапает на бумаге несколько предложений, ныряет под стол и начинает играть с Соррель, что-то шепча ей на ухо, прикрывая рот ладонью. Эш тянет ручку к ее блестящим густым волосам, его лицо замороженное, словно он глядит на яркий свет.

Ева велит Иззи вылезти из-под стола. Начинается математика. Иззи и Поппи сидят бок о бок так близко, что почти соприкасаются руками; лицо дочери светится от счастья. Еве хочется сказать ей: осторожнее, ведь тебя столько раз обижали. Блейк через стол смотрит на Иззи, опускает глаза, когда чувствует на себе взгляд Евы, а потом снова их поднимает. Иззи то и дело переглядывается с Поппи. Через полчаса Блейк перестает писать и кладет ручку на стол. Поппи смотрит в окно на деревья.

– Перемена! – быстро объявляет Ева.

Дети бросаются в сад, словно спущенные с поводков щенки. Эш, спотыкаясь, старается их догнать. Ева наблюдает за ними, застыв в дверях. Вмешиваться нельзя. На это она и надеялась – все дети играют вместе. Через полчаса она зовет их на рисование, после чего все снова выходят на прогулку. Когда Ева очищает баночки от краски и моет кисти, раздается постукивание ногтей по оконному стеклу, словно кто-то бросил в него пригоршню гальки. Это Мелисса приехала чуть пораньше. Ева поднимает глаза, улыбается и машет ей рукой. К ним редко кто заходит. Дом стоит далеко от дороги, его внешнее величие действует угнетающе. Отцу нравился покой, однако ему и в голову не приходило, что дети могут чувствовать себя здесь одинокими. Ева выносит на улицу поднос, и они с Мелиссой садятся на траву с чашками кофе в руках. Красный кабриолет Мелиссы стоит на подъездной дорожке с опущенным верхом.

– Догадываюсь, о чем вы думаете, – говорит она, перехватив взгляд Евы. – Мы ленимся ходить пешком. Но Иззи привыкла, что Пол ее всюду подвозит. Он очень балует нашу девочку.

В воздухе витает острый запах травы. Гудение газонокосилки Игоря на лугу сливается с криками играющих в лесу детей. Мелисса, прикрыв ладонью глаза от солнца, смотрит на сад.

– Только послушайте их, – мечтательно произносит она. – Эту дружную семейку веселящихся детишек.

– Детей больше, чем я планировала. С Чарли и моими малышами я не занимаюсь, но они играют вместе со старшими. – Ева прикасается к руке Мелиссы. – Я должна уменьшить оплату, это будет справедливо.

– Вы не должны мне ни пенни. Иззи просто счастлива, она здесь всех обожает. На мой взгляд, ей лучше, когда малыши рядом. Пол говорит, теперь она стала справляться с домашними заданиями. Он проверяет их каждый вечер. – Мелисса поправляет шарф на шее. – А мне не разрешает.

– Он делает с ней уроки? – вскидывает брови Ева. – Господи, у вас идеальный муж.

Мелисса качает головой и слабо улыбается, ее глаза влажно блестят.

В этот момент появляются дети, они с визгом рассыпаются по лужайке, спасаясь от преследующей их Иззи. Эш с истеричным смехом падает на колени Еве. Заметив мать, Иззи сначала замирает на месте, а потом медленно бредет к машине, чтобы подождать ее там.

– Мы, пожалуй, поедem, – говорит Мелисса, вставая. – Пол сегодня дома, без нас ему становится одиноко.

– У вас трава на юбке. – Ева помогает отчистить приставшие былинки. Провожая Мелиссу, она наклоняется, срывает несколько пионов, растущих по бокам дорожки, и вручает ей букет.

– Спасибо. – Мелисса крепко сжимает цветы. – Спасибо за все.

После отъезда Иззи дети притихли. Соррель жмется к матери, когда та поднимает Эша с травы. Другой рукой Ева пытается приобнять Поппи, но старшая дочь уворачивается. Машина Мелиссы оставила борозды на гравии дорожки. Ева смотрит на них, и ей хочется отправиться вслед за новой подругой.

– Нужно сделать для Мелли что-то приятное, – говорит она Эрику за ужином, уложив детей спать. – Сегодня она была такая грустная, чуть не плакала. Иззи временами сущее наказание. – Ева протягивает мужу тарелки, тот ставит их в посудомоечную машину. – Скоро у Эша день рождения, давай устроим праздник. Пригласим Чарли, Блейка и Иззи. Мелли с Полом могут прийти, Мартин тоже. И, конечно же, Грейс, если позволит работа.

Ева накроеет стол, купит новое платье и наконец накрадется. Она не пользовалась косметикой несколько месяцев, даже лет – Эрику не нравится. Он считает, что в макияже Ева не похожа на себя, а без него гораздо симпатичнее. Было время, это ей льстило, но теперь она не может отделаться от мысли, что для разнообразия неплохо иногда выглядеть чуть по-другому.

– А как насчет остальных друзей Эша? – спрашивает Эрик, принимая у нее бокалы.

– Думаю, эти нравятся ему больше других. И их родители тоже.

Ничего не отвечая, Эрик споласкивает ножи и аккуратно раскладывает их в машинке.

– Хорошо, позову всех. «Мы нечасто принимаем гостей», – говорит Ева ему в спину и наклоняется потрепать щенка за уши. – У меня странное чувство, что с Мелиссой мы знакомы много лет.

Не произнеся ни слова, Эрик кивает, Ева умолкает, и они в полной тишине продолжают заниматься посудой.

Грейс

– Ну как все прошло? – спрашивает Грейс.

– Что прошло? – Не поднимая на нее глаз, Мартин сравнивает цены на экологически чистые и обычные бананы.

– Зачем ты это делаешь? – Она опускает в тележку огромный пакет с картошкой и толкает ее дальше по проходу. Мартин спешит за ней.

– Что делаю?

– Притворяешься, что не понимаешь, о чем я.

Не секрет, что ей хочется знать, как проходят уроки, она всегда о них спрашивает. Грейс мечтает своими глазами наблюдать, как занимаются дети, и подружиться с Евой, хотя никогда не признается в этом. Несправедливо, что с ней общается Мартин, ведь это Грейс ее нашла. Муж рассмеется, приведи она этот детский аргумент. Еще зимой, раздумывая, стоит ли записать Блейка на занятия, Грейс отправилась знакомиться с Евой. Та распахнула дверь и сжала ее ладонь обеими руками. На морозном декабрьском солнце сверкнуло красным ее крупное кольцо. Ева показалась сказочно яркой и дружелюбнее большинства людей, которых Грейс узнала в Англии.

– Здравствуйте, я Ева Кершоу, – представилась она, тепло улыбаясь. – Очень рада, что вы позвонили. Уверена, что смогу помочь вашему сыну.

Она провела Грейс на залитую солнцем кухню. Ее переполняли надежда, идеи и заразительный оптимизм. Грейс тут же без раздумий заплатила за полный курс занятий.

– Я буду обсуждать с вами каждый урок, – пообещала Ева. – И постоянно держать вас в курсе.

Но позднее занятия перенесли на воскресенье, подстроив под расписания всех детей. Грейс из-за сдвоенного графика по воскресеньям работала дольше. Тот первый визит оказался для нее последним, Мартин стал возить детей вместо нее.

Грейс оплачивает покупки на кассе, и они катят тележку к машине.

– У Блейка все хорошо, – бросает Мартин, перекладывая продукты в багажник. – Просто отлично.

– Ты всегда так говоришь, даже о ножике сказал то же самое...

– Но оно так и было. Ножик одолжила подружка, Блейк не собирался ничего резать. Я ему поверил. И ты, казалось, тоже.

– Просто мне хочется проводить с нашими детьми больше времени, а не несколько минут в начале и в конце дня. – Грейс берет пачку стирального порошка. – Такое чувство, будто я им чужая.

Мартин загружает в багажник картошку, захлопывает крышку и крепко обнимает жену.

– Ты могла бы развозить детей по школам, как Мелисса и Ева, чтобы общаться с ними больше.

– Я уже думала об этом, но поняла, что не буду успевать в обе, – отвечает Грейс, садясь в машину.

– Скоро они будут учиться рядом. – Мартин удивлен, что Грейс не в курсе, но она привыкла узнавать все последней. – Блейк с Поппи и Иззи осенью переходят в Чартер, а Чарли уже в Далвич-Хэмлет с Соррель.

– Ладно, я постараюсь взять утренние смены.

Пока Мартин заводит двигатель, Грейс задумчиво смотрит на парковку. По крайней мере, у нее появится возможность перебрасываться с Евой хоть парой слов и как-то во всем участвовать.

Вернувшись домой, им приходится совершить несколько поездок на лифте, пока в машине не остается лишь пара пакетов. Чарли и Блейк умоляют Мартина рассказать им на ночь одну из его сказок. Грейс смотрит, как дети растягиваются на диване, прижимаясь к отцу, а тот принимается сочинять затейливую волшебную историю о юной героине и драконах. Грейс справится с последними пакетами сама: отец и дети – абсолютное воплощение счастья. Она спускается на лифте и спешит на улицу, но внезапно останавливается. Высокий парень в кроссовках с зелеными подошвами стоит у двери подъезда, упираясь ногой в стену позади себя. Он поворачивает голову и смотрит на Грейс ледяным взглядом, в воздухе пульсирует почти осязаемое напряжение. Парнишка помладше стоит у дорожки, еще один – на парковке. В тени может скрываться кто-то еще. С выскакивающим из груди сердцем Грейс идет к машине, глядя прямо перед собой. Вынимает пакеты, запирает багажник и возвращается. Парень у подъезда

переместился. Теперь он стоит у нее на пути, чуть наклонив голову, словно зверь, готовый к броску. Грейс обходит его и слышит за спиной утробный смех, больше похожий на рычание.

Открывает дверь, входит в подъезд, вбегает в лифт и жмет на кнопку тринадцатого этажа. Пока лифт ползет вверх, она прислоняется к стене кабины. Ноги дрожат и будто отделены от тела. Мартин не должен знать. Он пожалуется смотрительнице, хотя жаловаться особо не на что, и станет еще хуже. Они разбирают покупки. Мартин отправляется в постель, а Грейс заставляет себя взяться за тетрадь. Сначала пальцы не слушаются, ей трудно выводить буквы, но постепенно она погружается в мир своих фантазий. В тишине слышны знакомые звуки: похрапывает Мартин, тихонько посапывает Чарли, что-то бормочет во сне Блейк. Ее семья рядом, на расстоянии вытянутой руки. Грейс пишет, и ее тревога угасает, будто придумана и неприятный случай у подъезда произошел с кем-то другим.

Мелисса

Мелисса расхаживает возле лестницы, ожидая появления Пола. На этот раз она настроена решительно и поговорит с Иззи. Буква «И» на двери комнаты дочери блестит в проникающем через окно свете наружного фонаря. Уже темнеет. Толстый ковер заглушает звук шагов. Дом строился как оазис спокойствия, и Мелисса пытается себя успокоить. Когда это здание было закончено, его проект получил премию по архитектуре, однако, вернувшись от Евы несколько часов назад, Мелисса спустилась на кухню, и ей показалось, что серые бетонные стены сомкнулись вокруг нее, как в тесной тюремной камере. На кухне Евы царит беспорядок. Цвета словно воюют друг с другом – красный диванчик сражается с оранжевыми стенами, а те – с бледно-розовым персидским ковром. На столе громоздится гора кулинарных книг и вырванных из журналов рецептов, к стенам приклеены детские рисунки, одежда брошена на стулья, окна запахнуты настеей. Сегодня сад был наполнен криками играющих детей, Эш радостно смеялся. Странно, но Мелисса не помнит, смеялась ли Иззи в его возрасте. В то время она проводила с дочерью совсем мало времени. По крайней мере, днем. Тогда за Иззи присматривала няня, которую наняли, чтобы Мелисса могла работать. По ночам она выскальзывала из супружеской постели и пристраивалась рядом со спавшей малышкой, жадно вдыхая ее запах.

Вернувшись от Евы, Иззи поспешила в свою комнату, чтобы доделать домашнее задание. Чуть позже туда отправился и Пол. Как обычно, он закрыл за собой дверь. Сказал, что Иззи нужна его помощь, и попросил не мешать. Мелисса подходит к окну. В свете фонарей сад с присыпанными гравием дорожками кажется безжизненно-бледным. Лужайка Евы так и сверкала на полуденном солнце. Руки Мелиссы все еще пахнут травой. Такой же аромат витал в воздухе в тот день, когда она познакомилась с Полом. Это было двадцать лет назад. Ее будущий муж полулежал, словно античный бог, на краю травяного корта в теннисном клубе. «Ты только погляди, – прошептала Мелиссе ее подруга Джули. – Наверняка на нем девчонки так и виснут». Играя, Мелисса ощущала его пристальный взгляд и чувствовала себя незащищенной в своей короткой теннисной юбке и по-детски смешных носках, но, как он сказал ей позже, выглядела на редкость свежей, юной и невинной. Лето продолжалось. Пол приглашал Мелиссу в театр и возил на пикники у моря в своей спортивной машине с опущенным верхом. Ей было пятнадцать, он наповал сразил ее своим вниманием. Когда она, стора от стыда, шепотом поведала о своей анорексии, он заявил, что для него это не имеет никакого значения. Ее родителей не смутила разница в возрасте. Решительный и целеустремленный Пол понравился отцу Мелиссы. «Амбиции должны вознаграждаться», – сказал он и выделил будущему зятю долю в своем архитектурном бизнесе. Свадьбу устроили после того, как Мелисса окончила курс по дизайну интерьеров. Она потратила пару лет на создание собственного бизнеса, и лишь потом ей было позволено забеременеть. Вскоре после родов она снова вернулась к работе. Иногда она задается вопросом, не было ли все спланировано с самого начала.

Минут через десять дверь открывается, и выходит Пол. Мелисса порывается войти в комнату дочери, но муж ее останавливает.

– Она так вымоталась, бедняжка. Идем, – шепчет он и увлекает Мелиссу вниз, твердо сжимая ее локоть. Опять ее переиграли. Пол разливает вино. – Иззи в порядке. – Он поднимает бокал. – Ты здорово придумала с этими занятиями, Мелли. Умница.

Она все еще млеет от его похвалы. Придвигается поближе и протягивает ладони.

– Вот понюхай. Ничего не напоминает?

– Ты же знаешь, я терпеть не могу парфюм, – хмурится Пол.

– Это трава, а не духи. Я словно вернулась в теннисный клуб, где мы...

– Смой перед сном, хорошо? – Он отпивает вина. – Я поел на работе. Надо еще посмотреть счета.

Она не заплачет. Сама виновата – выбрала неподходящее время. Он от усталости такой раздражительный, в этом все дело. Лина на кухне готовит ужин: розовый лосось, зеленая брокколи и мелкая молодая картошка.

– Лина, пожалуйста, составьте мне компанию. Пол очень занят.

Лина послушно садится за стол. Она, наверное, задается вопросом, почему Мелисса так часто одна, почему ее не навещают друзья. Мелисса отодвигает картошку в сторону. Горькая правда заключается в том, что ее муж не переносит визиты друзей и походы в гости.

– После напряженного дня мне хочется просто побыть с женой, – сказал он как-то раз, потягивая вино. – Я имею на это право, согласна?

Мелисса кивнула, но такие дни превратились в недели, месяцы, а потом и в годы. Постепенно друзья совсем перестали приходить и звонить. Мелисса прикасается к пионам, которые Лина поставила в вазу. Цветы ярко контрастируют с серым фоном кухни, их лепестки приятны и мягки на ощупь. Теперь Мелисса нетерпеливо ждет воскресений, предвкушая веселые разговоры и смех, и вся неделя кажется ей теплее, богаче и красочнее. Наверное, Иззи чувствует то же самое.

Мелисса улыбается Лине.

– Странно, что за все это время мы ничего не узнали о вашей семье. Расскажите о ней, пожалуйста.

Лина качает головой. Возможно, она не понимает.

– К примеру, ваш отец. Чем он занимается?

– Он погиб, – помолчав, отвечает Лина и отворачивается к окну. Мелисса кладет вилку, обходит стол и садится рядом с девушкой, обнимая ее за плечи.

– Простите меня, дорогая.

Она чувствует вину за то, что разбредила воспоминания, что ничего не узнала раньше.

– Война. – Лина проводит рукой, словно сметая что-то со стола, а потом встает, и они молча убирают посуду. Кажется, молчание их сближает. После Мелисса наливает две чашки чая. Лина с легким поклоном берет свою и неслышно выходит из кухни.

Мелисса смотрит на часы: уже поздно. Пол, наверное, уже в кровати и ждет ее. Она в панике взлетает на второй этаж и долго стоит под душем, яростно отмывая ладони и запястья.

Поппи доверяет Иззи все свои тайны, потому что та их выслушивает и говорит, что хочет знать о ее семье все. Иззи считает, что мать не следит должным образом за домом и за собой.

– Погляди на кольцо, которое она носит, – говорит Иззи. – В нем застряли кусочки пищи. Она не снимает его, когда готовит. Ей все по барабану. В вашем доме всегда бардак.

Поппи робко кивает. Они сидят на упавшем стволе дерева, Иззи курит. Предлагает закутить и Поппи, но та не решается.

– Как знаешь, – пожимает плечами Иззи. – Если передумаешь, я возьму для тебя сигареты в кабинете отца. В ящиках его стола целые блоки курева, а еще бутылки с выпивкой и все такое прочее. Как-то раз я нашла там черные трусики. Сдается мне, он трахается на прямо столе.

Она выпускает колечко дыма.

Кожа Поппи покрывается мурашками.

– С кем? – спрашивает она, стараясь говорить таким же скучающим тоном, как Иззи.

– Да кто его знает, – отвечает Иззи. – С какой-нибудь из своих подружек.

– А твоя мама что об этом думает? – интересуется Поппи.

Лицо Иззи напрягается. Она не отвечает, потому что никогда не говорит о матери. Гасит окурок о ствол дерева, достает из кармана шорт жвачку и протягивает одну пластинку Поппи. Девочки выходят из леса, энергично работая челюстями.

– Девяносто девять, сто! – кричат они, давясь смехом. – Кто не спрятался, мы не виноваты!

Блейк глядит на них из-за бочки с дождевой водой. Иззи пообещала, что скоро они станут играть в игры получше. И добавила, что для этого понадобится ножик. Блейку пришлось признаться, что он его потерял. Однако Иззи сказала не париться, она знает много мест, где можно добыть ножи. В сараях, например. Она подошла вплотную, улыбнулась, и Блейк буквально воспарил. В последний раз он чувствовал подобное, когда играл в футбол в лагере и забил больше всех. Было это около года назад.

Соррель прячется за деревом. Она слышит рычание Иззи, которая изображает какое-то чудовище. Это, наверное, весело, но очень страшно. Иззи подходит все ближе, бежать уже поздно, но вдруг она начинает хохотать и превращается из чудовища в подружку. Поппи тоже смеется, Соррель ей вторит. Она никому не говорит, что испугалась, это глупо – они же играли.

Часть вторая. Летние каникулы

Позже полицейские просматривали видеозаписи, которые мы сделали тем летом. Они прокручивали их снова и снова, пытаясь понять, с чего все началось. На первых кадрах, как полагается, дети. Поппи и Соррель в карнавальных костюмах ждут у двери. Чарли и Блейка высаживают из машины. Затем приезжает Иззи. В пруду плавают утята, деревья вдалеке сливаются в плотную темно-зеленую массу. Эрик машет с прислоненной к дереву стремянки, мимо проходит Игорь с лопатой. Одежда становится все ярче, легче и короче. Несколько месяцев стояла жара. Поппи и Иззи идут, взявшись за руки; похоже, они перешептываются. За ними, опустив голову, шагает Блейк. Соррель и Чарли играют с собакой на расстеленном пледе. К ним по траве мчится Эш. Для его возраста он бежит на удивление быстро и далеко. Это стало понятно потом, но разве могло что-нибудь изменить? Затем идут кадры с Чарли, катающей Эша по полю на ослике, Соррель спешит за ними. Все улыбаются.

Жаль, что невозможно остановить пленку на этом месте. Остановить, перемотать и проигрывать по кругу.

Мерцание и рябь. Еда на столе. Фруктовый торт, шоколадный торт, кексы. Лимонный бисквит под слоем клубники со взбитыми сливками. Много кадров с приезжающим и уезжающим Мартином: книги под мышкой, воздушные поцелуи в камеру. Рубашка обтягивает его все теснее – вот что творят пирожные и торты.

На заднем плане пылают костры. Эрик разводил их часто, каждое воскресенье сжигая садовый мусор. Дети обожали костры, ждали их, плясали вокруг огня. Вот длинный фрагмент, на котором они бегут в лес, исчезают среди деревьев и блекнут в лучах солнца, словно маленькие призраки. Ева снимала с пристроенной к дому веранды. Дети так далеко, что не видно, чем они заняты. А мы и не вглядывались. Сейчас кажется невероятным, что мы были настолько заняты, что не разглядели творившееся прямо перед нашими глазами.

Глава 4. Июль

Ева

Каникулы начинаются с праздника – дня рождения Эша. Съезжаются все дети, а также Мелли, Пол и Мартин. Грейс надеется присоединиться к ним после работы. В доме собираются двенадцать человек, включая домочадцев Евы.

Сегодня беспорядка больше, чем обычно. Девочки выются вокруг Евы, пока та замешивает тесто, намазывает глазурь и взбивает крем. Стол усеян мукой, на полу валяются дольки лимона, в раковине полно яичной скорлупы. Лицо Евы влажное от пота – на кухне настоящее пекло. Дети успевают проголодаться до обеда. Поппи просит поесть, нетерпеливо торопя мать, но скоро сдается, хватает из вазы с фруктами яблоко и выбегает на улицу. Соррель плетется за ней. Ева опирается локтями на подоконник и наблюдает за происходящим снаружи, отводя со лба волосы липкими от глазури пальцами. Девочки окружили Эрика, который распиливает доски, чтобы сделать крышу для детского домика. Привыкшие к его молчанию, дети карабкаются на груды заготовок, но Эрик осаживает их безмолвным взглядом. Соррель опускается на корточки рядом с ним и принимается лепить куличики из опилок, расставляя их в ряд на доске. Поппи сидит в тени, жует свое яблоко и внимательно наблюдает за остальными. Детский домик растет быстро, словно по волшебству. Это подарок Эшу на день рождения, его покажут имениннику во время праздника. Наконец привозят горку и качели, Игорь принимается их устанавливать, пыхтя от натуги.

Ева вспоминает о своей стряпне и с аханьем оборачивается к плите. Тарталетки из слоеного теста почернели по краям, Ева выбрасывает их и начинает сначала. Тесто снова пригорает, но с третьей попытки все получается. Она наполняет тарталетки лимонным кремом, свежим укропом и мелкими креветками. Мартин любит морепродукты. Ева готовила рыбный суп, маринованную семгу и крабовые котлетки, не переставая думать о нем. Эш взбирается на стол, запускает пальчики в блестящую горку фасоли в масле и, скорчив гримаску, тянется ручками к лицу матери. Ева смеется и, опуская извивающегося малыша на пол, на мгновение прижимает его к себе и ощущает быстрое биение детского сердечка. Она вдыхает теплый запах волос сына и осторожно ставит его на пол. Вырвавшись, тот неуклюже падает на подушки, под которыми прячется собака. Ева достает из холодильника малину и сливки. Взбив блендером крем, она намазывает торт, любуясь, как красное растекается по белому. Эрик заходит на кухню с капельками пота на лице. К нему, чуть прихрамывая и виляя хвостом, бросается Ной. Коротко взглянув на пса, Эрик направляется к холодильнику, открывает его, зазвенев бутылками на дверце, одним махом выпивает пол-литра апельсинового сока и ставит пустой пакет на стол.

– Ной хромает, – говорит он, вытирая рот рукой.

– На него только что упал Эш. Ничего, поправится. – Ева подходит и берет мужа за руку. Его кожа горячая и влажная. – Помнишь, какая жара стояла, когда родился Эш? – Роды оказались долгими и трудными, Эрик постоянно был рядом, нежный и внимательный, счастливый оттого, что у него родился сын. Ева улыбается. – Не верится, что нашему малышу уже три года!

– Он больше не малыш. – Эрик идет к двери и на пороге с легкой ухмылкой бросает через плечо. – Между прочим, он сказал «папа».

Муж исчезает в саду, Ева ошарашенно смотрит ему вслед. Вот и первое слово сына.

За окном Эш восседает на холме из буковых опилок и играет, пропуская их между пальцев. Он незаметно сбежал из кухни. Ева поспешно выходит наружу и наклоняется к сыну.

– Что сказал наш именинник?

Эш хватается пригоршню опилок и протягивает ей.

– Зайка, как зовут папу?

Эш ложится на спину и жмурится от яркого солнца.

Соррель прыгивает с качелей и опускается на корточки рядом с братом.

– Я слышала, как он сказал «папа», – шепчет она.

Мать обнимает ее, и они вместе смотрят, как Эш радостно перекачивается с боку на бок.

– Везет же людям, – тихо отвечает Ева. – Жаль, что я все пропустила.

– А домик-то – сюрприз, – раздается с горки недовольный голос Поппи. – Ты должна держать Эша внутри.

Ева уносит брыкающегося малыша обратно на кухню. Ставит в холодильник шампанское и смотрит в окно на высокую фигуру Эрика, который сгребает сухие ветки для костра. Он слишком занят, чтобы отпраздновать неповторимое событие в жизни Эша прямо сейчас. Ева начинает мариновать лосося, наблюдая, как мед и соевый соус скользят по его розовой мякоти. Она изучила Эрика как свои пять пальцев. Изменились ли они оба с тех пор, как поженились? В самом начале, будучи полностью поглощенной детьми, она не придавала значения его молчанию. Тогда ей было все равно, а теперь – нет. Она убирает лосося обратно в холодильник и достает стейки, чтобы замариновать их в масле с чесноком. Эрик – прекрасный отец и верный муж, но, если она больше не скажет ни слова, их разговоры, наверное, прекратятся совсем. Ева втирает чеснок в мясо и представляет себе молчание, растянувшееся на часы, дни и месяцы. Воображает будущую жизнь, проведенную бок о бок с мужем, но в полном безмолвии. Как в монастыре. Когда она скажет Мартину, что Эш произнес первое слово, тот рассмеется и захлопает в ладоши. Они начнут болтать и постепенно перейдут к обсуждению языка и книг, романа, который он читает, или главы, которую пишет. Темой разговора может стать вид с его балкона или люди на улице, что угодно. Пустая трепотня, сказал бы Эрик, но их беседы с Мартином – окно в огромный мир. А реплики Эрика, напротив, как ставни, которыми по вечерам закрывают витрины магазинов – металлические, грохочущие. *Пес хромает. Он больше не малыш.*

Ева наклоняется над Ноем и проводит рукой по лапе. Тот скулит, когда она прикасается к тазобедренному суставу. Наверное, его стоит показать ветеринару. Повседневные заботы просачиваются в трещинки ее брака, заполняют их, заделывают и маскируют.

– Столы готовы. – На кухне появляется Поппи и показывает пальцем за окно. На веранде два стола, каждый накрыт на шесть персон. Зажжены свечи, расставлены разноцветные стаканы и вазочки с таволгой и лютиками.

– Спасибо, Попс. Просто чудесно. – Ева обнимает дочь и прижимает к себе, несмотря на ее сопротивление. – Может, сдвинем их, чтобы все могли разговаривать друг с другом?

– Иззи сказала, что лучше поставить отдельно.

– Хорошо. – Ева целует дочь в светло-каштановые волосы. «Не заводись, – уговаривает она себя. – Ничего страшного. Сегодня праздник, пусть».

– Что ты наденешь?

– Господи, да все равно.

Поппи выворачивается из-под ее руки и направляется к лестнице. Ева отрывает листок растущего в горшке базилика и вдыхает его пряный запах. И в словах Поппи, и в том, как она отвернулась, промелькнула манера Иззи. А чего она ожидала? Девочки очень сблизились, они перешептываются на уроках и вдвоем пропадают в саду. Они подружились, а дружба накладывает свой отпечаток на каждого. В сумерках за окном светятся свечи. Время не ждет, надо поторапливаться.

– Оставь ее в покое, – бормочет Ева себе под нос. – Пусть подрастает.

Дети меняются, но в конце концов становятся собой. Если хочешь для детей свободы, надо быть готовой рисковать.

После душа Ева одевается и внимательно оглядывает себя в зеркале. Ее фигура не такая спортивная, как у Мелиссы, и не такая изящная, как у Грейс, но руки уже покрыты загаром.

Новое бледно-розовое платье красиво подчеркивает цвет лица. Она не выглядит как тридцатичетырехлетняя мать троих детей и не чувствует своего возраста. От приятного ожидания замирает сердце. Ева подводит глаза, наносит тени, подкрашивает ресницы и губы, подхватывает накидку и делает шаг назад. Смотрит на свое отражение в зеркале и улыбается.

Эрик жарит барбекю. Ева протягивает ему бутылку пива, и он чмокает ее в плечо. Это похоже на перемирие, хотя они не ссорились, и в этом, наверное, и заключается проблема. На ветках оливковых деревьев горят гирлянды, освещающие дорожку по всей ее длине от фасада дома, вдоль стен и до самого гаража и сараев.

Появляются девочки с Эшем. У Поппи на обеих щеках блески. Соррель неровно вымазала ими лоб. Похоже, они нашли губную помаду Евы. Они выглядят старше и как-то незнакомо. В блесках даже кулачок Эша. Сестры торжественно ведут малыша к детскому домику и радостно восклицают, указывая на окошки, но тот убегает, плюхается на горку опилок и с визгом разбрасывает их по сторонам. Девочки, приуныв, медленно плетутся следом. Поппи хмурится, глядя на мать, которая позволила Эшу увидеть подарок раньше времени.

Дочки оживляются, когда приезжает Мартин с Чарли и Блейком. Поппи, гордая работой отца, проводит гостей по площадке, демонстрируя гладкие стыки и яркие стены домика. Чарли свешивается с перекладины вниз головой, касаясь волосами земли. Соррель смеется, хлопая в ладоши. Блейк съезжает с горки, держа на коленях Эша.

– Грейс все-таки не сможет приехать. – Мартин провожает глазами Блейка, когда тот несет Эша по ступенькам и снова съезжает с ним вниз. – Она ждет мастера. Стиральная машина сломалась так некстати.

Ева видит, что он искренне верит в отговорку, которую сама она распознала мгновенно. Предлагает выпить шампанского, и они чокаются. Как она и предполагала, Мартин радостно смеется, узнав о первом слове Эша. Эрик смотрит на них поверх жаровни и снова переводит свой невозмутимый взгляд на угли.

Приближаются Мелисса и Пол с огромным букетом цветов в хрустящем целлофане. На Иззи футболка и рваные джинсы. Поппи, взглянув на подругу, быстро стирает блески со щек. Пол очень элегантен в белом льняном костюме и с кожаной сумкой через плечо. Мелисса в шелковых брюках, блузке и с шарфиком в тон тоже выглядит потрясающе. Пол пропускает жену вперед. Идеальная пара, красивая, как в рекламе. Однако, принимая из рук Мелиссы цветы, Ева замечает под слоем тонального крема на ее лице темную, похожую на синяк припухлость в области правой скулы.

– Я, как дура, поскользнулась в цветочном магазине, – объясняет Мелисса с легким смешком. – Пол был мокрый.

– Мелли, бедняжка.

– Вот подарок Эшу, – быстро меняет тему Мелисса и протягивает малышу плюшевого медвежонка в блестящем голубом жилете. Мальчик прижимает игрушку к себе, его лицо расплывается в благодарной улыбке.

– Вы только взгляните на этот стол! – Мелисса шутливо окидывает голодным взглядом горки пирожков, поблескивающие ломтики лосося, миски с салатами и толстые ломти домашнего хлеба с оливками. Затем обе женщины наблюдают за Полом, который достает из сумки бутылочки с имбирным лимонадом, ловко открывает их и с низким поклоном раздает детям.

– У тебя очень умный папа, – говорит он Эшу, пожимая его маленькую ладошку. – Он и для меня хорошо поработал.

Эш смотрит на Пола широко раскрытыми глазами, Соррель хихикает.

– Ты устроишь мне небольшую экскурсию? – спрашивает у нее Пол.

Соррель берет его за руку и ведет по опилкам к качелям на площадке. Ева с улыбкой переводит взгляд на Мелиссу. Она и не подозревала, что Пол способен так очаровывать детей. Однако Мелисса смотрит на мужа с окаменевшим лицом. Наверное, не может прийти в себя

после падения. Под ее внешним лоском, похоже, скрываются усталость и болезненность. Ева оглядывается на Пола. Тот качается на качелях, посадив на колени Эша, рядом стоит Соррель.

– Великолечно! – Пол опускает Эша на землю, быстро чмокает Соррель в макушку и поднимается на веранду. Подходит к стоящему у жаровни Эрику, протягивает ему еще одну бутылку пива и принимается болтать, пока тот колдует над едой, помешивая угли, раскладывая стейки и переворачивая сосиски. Ева с интересом наблюдает за ними. Должно быть, то же самое происходило в саду у Пола: хозяин говорил, а Эрик занимался делом. Кажется, они неплохо сработались и ладят друг с другом.

Иззи, стоя у ведущих на веранду ступенек, вглядывается в лица окружающих ее детей. Выбрав фаворитку, она кладет руку на плечо Поппи. Та расплывается в улыбке, и они вместе шагают к домику. Блейк берет за руку Эша и следует за ними. Чарли и Соррель спешат за остальными. Дверь в домик захлопывается. Ева встречается взглядом с Эриком и поднимает бокал; муж салютует ей бутылкой пива: игровая площадка введена в эксплуатацию. Ева приглашает гостей за стол. Мелисса садится по одну сторону от нее, а Мартин по другую – так близко, что она чувствует легкие прикосновения его рукава каждый раз, когда он подносит к губам бокал с вином.

– Иззи рассказала о своих успехах. – Мелисса кладет прохладные пальцы на запястье Евы. – Особенно по математике. Мы в восторге. Как вам это удалось?

Ева вглядывается в ее лицо, стараясь скрыть удивление. Она еженедельно передает с Иззи подробные отчеты. В них ясно говорится, что Иззи работает небрежно. Ее трудности отличаются от проблем Поппи и Блейка. Те, как и ожидалось, переставляют числа местами, борясь с их порядком, и путаются в целых и дробных числах. Иззи, в отличие от них, начинает хорошо, но не может довести дело до конца, словно ей становится скучно. Вероятно, она выбрасывает отчеты, поэтому те не доходят до матери.

– С письмом и чтением у Иззи все прекрасно. – Ева накрывает пальцы Мелиссы ладонью другой руки. – А вот математику нужно немного подтянуть.

– Пол сказал, что она старается, – неуверенно отвечает Мелисса, высвобождая свою руку.

– Я чувствую в ней острый ум. Если она решит поднажать, она мигом взлетит, я это знаю.

Мелисса пристально смотрит на детский домик, где скрылась ее дочь. Вид у нее озадаченный.

– Нам нравится все, что вы делаете, – шепчет Мартин Еве на ухо, и по ее коже бегут мурашки. Он встает, чтобы подлить шампанского Мелиссе, а затем себе. Короткое прикосновение его руки обжигает Еве плечо. Когда Эрик поднимает лицо от жаровни и зовет детей, руки Мартина снова лежат на коленях. Обходя стол, Эрик нечаянно роняет стейк на тарелку Мартина, из мяса вытекает капелька крови. Мелисса вздрагивает и тянется за салатом. Дети шумно усаживаются за свой стол. Блейк отталкивает Чарли и падает на стул рядом с Иззи, Поппи усаживается по другую сторону. Ева какает на дно стакана немного розового вина и наполняет его водой. Протягивая стакан Соррель, она шепчет Мартину:

– Я поступаю ужасно? Но ей так нравится. Думаю, это помогает ей чувствовать себя взрослой.

Мартин со смехом качает головой.

Ева поднимает бокал.

– С днем рождения, мой любимый сыночек.

Эш сидит у Иззи на коленях. Соррель целует его в щеку, а Поппи протягивает жареную сосиску, которую он тут же запихивает в рот. Дети затачивают «С днем рожденья тебя». Песню подхватывают все, кроме Иззи. Девочка крепко обнимает Эша. Как подарок на ее собственный день рождения.

Грейс

Блейк забыл ингалятор на столе.

Грейс заставляет себя не думать об этом, вынимая белье из стиральной машины. Мартин поверил в ее поломку, хотя в тот момент его одежда крутилась в барабане.

Грейс отпирает стеклянные двери на их небольшой балкон и развешивает одежду, стараясь не наступить на высаженную Блейком помидорную рассаду. Воздух теплый как парное молоко. Здесь, наверху, кажется, что ты на смотровой площадке дорогого отеля или на носу огромного корабля. Прошел еще один чудесный, но упущенный ею день. Быстро садится закатное солнце. По небу, нарушая покой, с ревом проносится самолет, его огни рассекают темнеющую синеву. На парковке внизу вспыхивает и затухает красная точка, похожая на предупреждающий сигнал. Там курит какой-то мужчина. Его лица не разглядеть, но сам он может видеть силуэт Грейс на фоне окна. Она возвращается в комнату, закрывает дверь и опускает жалюзи. У нее есть два-три часа, чтобы спокойно заняться своей книгой. Обычно столько времени выкроить не удастся. Возможностью побыть с мужем и детьми, к сожалению, пришлось пожертвовать. Грейс достает из тайника тетрадь, открывает ее на заложенной странице и начинает писать. Останавливается, возвращается к предыдущему абзацу, вычеркивает строчку, вписывает другую, меняет последнее слово, задумывается в ожидании вдохновения. Ее взгляд упирается в ингалятор Блейка. На синем пластике отпечатки измазанных шоколадом пальцев. Блейк нечасто им пользуется, но сегодня у него может появиться одышка. Чарли сказала, что будут жечь костер. Блейк рискует наглотаться дыма, а Мартин, наверное, заметит это, когда станет слишком поздно. Грейс кладет карандаш, медленно закрывает тетрадь и, взобравшись на табурет, задвигает ее на полку.

Сбрасывает джинсы и достает из дальнего угла шкафа так ни разу и не надетое летнее платье из красного нейлона, купленное в прошлом году по Интернету для выходных в Девоне. Она срывает этикетку, натягивает платье, сует ноги в украшенные стразами босоножки Чарли и вешает сумку на плечо. Открывает банку из-под печенья и достает оттуда несколько монет. По дороге надо купить подарок малышу, Мартин наверняка забыл это сделать. Выходя из подъезда, Грейс обнаруживает, что на связке отсутствует помеченное красным кольцо с ключами от подъезда и входной двери. Вероятно, оно ослабло и разошлось, а потом соскользнуло и лежит теперь на полу в квартире. «Не важно, – думает она. – Когда вернемся, воспользуемся ключами Мартина». Но мгновение спустя понимает, что очень важно. Юнец в кроссовках с зелеными подошвами вышел из тени и стоит перед ней, преграждая путь. Без ключей Грейс не сможет ускользнуть в безопасное место. Парень подходит ближе. Так близко, что становятся видны гнойнички и щербинки на его щеках и белый налет по краям ноздрей. В голове Грейс начинает тихонько гудеть, словно включается запоздавшая сигнализация. В спешке она забыла о правилах. Юнец щелчком отбрасывает окурок – красная точка улетает в темноту. Должно быть, он следил за Грейс с тех пор, как уехал Мартин.

– Отвали! – Грейс отворачивает лицо, стараясь изобразить раздражение, хотя сердце колотится так сильно, что ее голос начинает дрожать.

– Отвали? – Уловка не срабатывает. Парень напирает на Грейс своей щедедушной грудью. – Отвали? – шепчет он ей на ухо и вдруг хватается за волосы, грубо разворачивает к себе и подносит к лицу пластиковый пакетик, туго набитый белым порошком. – Дунешь?

Что-то похожее на кожаный ремешок плотно обвивает ее шею. В голове звенит от страха, мозг отключается. Юнец натягивает удавку. Грейс, задышавшись, ловит ртом воздух. Их ноги шаркают по полу, будто в танце, когда негодяй тащит ее, шатающуюся и хрипящую, к деревянной перегородке, за которой стоят мусорные баки, а потом толкает вперед. Грейс ударяется грудью о край бака. Мыслей нет, по ногам течет что-то горячее. Моча, ее моча. Парень резко наклоняется.

няет ее и до пояса задирает платье, а потом чуть ослабляет хватку, и Грейс слышит звук растегаемой молнии. Прижимаясь бедрами к ее ягодицам, насильник возится с джинсами.

Грейс закипает от ярости. Он думает, что сделает это, что все сойдет ему с рук, что темнокожая женщина не сможет ответить белому мужчине. Ее разум включается. Негодяй забыл, что ее руки свободны, и не видит, как она открывает сумку, переместившуюся на живот. Пока он, царапая кожу и разрывая ткань, стягивает ее трусики до середины бедер, Грейс сдвигает в сторону кошелек и ингалятор, находит перочинный нож и, не вынимая его из сумки, раскрывает лезвие. Тем временем юнец рычит ей в ухо:

– Сама напросилась, заносчивая сучка.

Грейс резко и сильно бьет его ножом. Лезвие скользит по джинсам. Насильник не останавливается и, ничего не замечая, раздвигает Грейс ноги и пытается в нее войти. Быстро не получается, он рычит от злости и кусает ее за шею, но она снова бьет его ножом, на этот раз повыше. Лезвие, проткнув футболку и кожу, впивается во что-то плотное. Юнец визгливо вскрикивает и падает навзничь, с глухим стуком ударившись об асфальт сначала плечами, а потом головой. Грейс мчится к машине, она задыхается, в горле горит, сумка болтается на шее. Ключом в замок она попадает с третьего раза. Упав на сиденье, она не оглядывается. Рвет с места, вылетает с парковки на дорогу, поворачивает налево на втором перекрестке, въезжает боковыми колесами на тротуар и бьет по тормозам. Приподнявшись на сиденье, снимает трусики и сует в бардачок – на них ДНК преступника. Подается вперед и глубоко дышит, стараясь успокоиться. Сердце по-прежнему колотится, в голове шумит, но это уже не имеет значения. Через несколько минут она вытирает лицо ладонями, достает телефон и набирает номер полиции.

– Наркодилер с ножевым ранением в Блэкберри-Эстейт, при нем большое количество кокаина. Он за перегородкой у мусорных баков, – сообщает Грейс каким-то чужим голосом. Называет адрес и прерывает звонок – лучше сохранить анонимность.

В ее памяти всплывают леденящие кровь рассказы отца о том, что творили белые полицейские с ее соплеменниками. Грейс тревожится, что вину могут переложить на нее. В любом случае ее показания не слишком важны: при этом парне достаточно кокаина, чтобы упрятать его за решетку на много месяцев, даже лет. О Грейс он, конечно, промолчит, ведь попытка изнасилования – это еще одно обвинение. Мартину она тоже не обмолвится ни словом. Муж из другого мира. Не понимая опасности, он заставит ее пойти в полицию или расскажет все сам, и она угодит в тюрьму. Она справится самостоятельно, она всегда справляется.

Грейс поднимает голову. В нескольких метрах тускло поблескивает серая металлическая решетка водостока. Она медленно подъезжает и останавливает машину рядом. Оглядывается. Улица пуста. Открывает дверцу и, высунувшись наружу, опускает нож в щель. Слышит или воображает, что слышит, негромкий всплеск. Выпрямляется, пристегивает ремень и трогается с места. Трудно следить за дорогой сквозь злые слезы, но ехать, к счастью, недалеко. Ее переполняют ярость и торжество.

Грейс сбрасывает испачканные босоножки и выходит из машины. За домом взрываются и трещат фейерверки, искры взлетают высоко над крышей. Среди громких детских криков она различает голос Блейка. Ингалятор все-таки не понадобился. Грейс рассмеялась бы от радости, если б сердце не щемило от тоски по Мартину и детям, от желания выпить чего-нибудь и согреться.

Гравий на подъездной дорожке больно впивается в подошвы. Огромная входная дверь распахнута настежь. Неужели здешним обитателям плевать на безопасность? Грейс закрывает дверь за собой и осматривается. Дальний конец прихожей исчезает в тени где-то за лестницей. С тем же успехом Грейс могла оказаться в подъезде большого, но на удивление безликого муниципального здания. От холодного пола слегка тянет сыростью. В прошлый раз она вошла через дверь в задней части дома и оказалась на кухне, которая, как и ее хозяйка, поразила Грейс теплом и яркими красками. Сейчас все по-другому. Будто это место принадлежит чужа-

кам и она без разрешения вторгается в их владения. Откуда-то из глубины дома доносится собачий лай. Грейс быстро взбегаёт по устланной ковром лестнице на просторную площадку второго этажа. За дверью налево – неубранная комната. На незаправленной кровати с балдахинном – гора одежды. Грейс открывает следующую дверь. Там ванная размером с их квартиру. Грейс входит внутрь и запирается на замок. Здесь тепло и приторно пахнет спелой земляникой. Овальная ванна, душевая кабина, флаконы с шампунем на кафельном полу. Один перевернут, из-под неплотно завинченной крышки сочится густой розовый ручеек. Грейс протирает запотевшее стекло и видит в саду за окном огромный костер, вокруг которого носится Блейк без футболки. Чарли увивается за ним. Дети Евы, разумеется, там же. Светловолосая девочка размахивает руками и кричит, словно руководит игрой. Должно быть, это Иззи. Взрослые бок о бок сидят за столом прямо под окном. С тремя из них Грейс незнакома. Мартин подался вперед. Рядом с ним Ева с малышом на коленях. Они разговаривают, почти касаясь друг друга. Мартин хохочет, запрокинув голову. Грейс накрывает внезапная волна злости. Если бы Мартин меньше веселился и больше писал, они не жили бы в нищете в запущенном доме. На нее не напали бы прямо у подъезда. Муж поворачивается к Еве, Грейс не видит его лица, но уверена, что он продолжает беспечно смеяться. Ее лицо вспыхивает. Это совсем другой мир, она была права.

Худенькая белокурая женщина по другую сторону от Евы теребит повязанный вокруг шеи шарф и смотрит на заставленный угощениями стол. Высокий загорелый мужчина в шортах переворачивает куски мяса на решетке. Другой, в белом льняном костюме, стоит рядом и вальяжно жестикулирует, не выпуская из руки сигару. У него лощеное лицо и белозубая улыбка кинозвезды. Кажется, он не спускает глаз с детей. Ну, хоть кто-то за ними присматривает.

Собравшиеся передают друг другу блюда; кивают и сближают лица в разговоре; расслабленно смеются, как добрые друзья. Они не подозревают, что за ними сверху наблюдает уязвленная и невидимая Грейс. На полу валяются махровые полотенца, Грейс переступает через них и направляется к раковине. Возле крана забыта открытая баночка с блестками, на зеркале – отпечатки детских пальчиков. Грейс приближает лицо к зеркалу и изучает свое отражение: порез у самых волос, синяк на лбу, еще один – на щеке. Засохшая струйка крови тянется, поворачивая с тыльной стороны шеи на грудь, где синяков еще больше. Грейс поднимает подол платья. На животе, в месте, которым ее прижимали к мусорному баку, темнеет отпечаток – треугольник с неровными краями, напоминающий очертания Африки. Грейс хочется рассмеяться. На ее бедрах – глубокие кровоточащие царапины, но боли нет, пока нет. Только едкий запах его пота и мусора. Грейс подбирает с пола розовую шапочку для душа и убирает под нее волосы. Запрокинув голову, она подставляет лицо под мощные струи горячей воды, позволяя им каскадом стекать на платье. Ждет, пока смоются все пятна, потом снимает платье и стоит под душем, стиснув зубы, пока тело не перестает гореть. Насухо вытирается полотенцем и отправляет его на самое дно корзины для белья. В шкафчике с лекарствами она находит пластыри с плюшевыми мишками и заклеивает рану от укуса на шее. Потом маскирует синяки, размазав пальцем блестки по щекам. Надевает мокрое платье и прячет лоб под волосами. Странно, но выглядит она хорошо, просто прекрасно.

Грейс выходит из ванной и быстро сбегает по лестнице. Снова слышится собачий лай. Она закрывает за собой входную дверь и огибает дом. Чуть вдалеке, в саду, дети по-прежнему носятся вокруг костра, прыгают и кричат. Блейк что-то вопит во все горло, но слов не разобрать. Сначала ее никто не замечает. Мартин и Ева сидят, прислонившись друг к другу. Худенькая блондинка первой поднимает глаза. Мужчины, которых она видела у барбекю, теперь за столом; оба они поворачиваются и наконец замечают Грейс, освещенную отблесками горящих свечей. Все вскакивают, на землю падает опрокинутый стул. Лощеный красавец не перестает жевать.

Мелисса

К ним приближается босая незнакомка. Она не улыбается и словно пылает воинственным огнем, готовая к очередному бою. Мелисса не встречала женщин красивее. Отсветы огня играют на ее руках и ногах, темная кожа влажно поблескивает. Она идет, как по подиуму, покачивающейся походкой от бедра. Красное платье, мерцающие скулы. «Настоящая валькирия», – думает Мелисса, и ей хочется аплодировать госте.

Мартин первым приходит в себя от изумления.

– Грейси, ты все-таки вырвалась.

– Добро пожаловать, – негромко произносит Эрик, протягивая ей бокал с шампанским. Мелисса слышала, таким же тоном он успокаивал животных. И эта женщина, Грейс, похожа на грациозное животное. На прекрасную скаковую лошадь, напряженную и дрожащую от нетерпения. Гостя не отвечает. Ева пересаживает сына на колени Мелиссе. Тот слегка влажный и неожиданно тяжелый. Мелисса склоняется к его головке и ощущает прилив нежности. Она уж и не помнит, держала ли на коленях ребенка с тех пор, как Иззи была маленькой.

– Здравствуйте, незнакомка. – Ева протягивает руки навстречу Грейс и целует ее в обе щеки, но та не отвечает. – Как хорошо от вас пахнет! Земляникой! Забавно, совсем как от Поппи... Господи, да у вас все платье мокрое!

Грейс отстраняется и ничего не отвечает. Мелисса восхищена. На месте Грейс она потопилась бы извиниться и все объяснить, неловко отшутилась бы.

– Мы найдем вам полотенце. – Ева кивает в сторону дома. – Там их масса. Эрик мог бы...

Грейс сводит брови и отрицательно качает головой. Она из тех, кто не терпит суеты.

– Возьмите хотя бы мою накидку. – Ева снимает со спинки стула большую розовую шаль и протягивает Грейс. – Я очень рада, что вы все-таки приехали, – продолжает она. – Вы, наверное, устали. Здесь много вкусного. Присаживайтесь.

Ева указывает на стул рядом с Мартином, но Грейс садится по соседству с Мелиссой.

– Привет, меня зовут Мелли, – говорит та, явно польщенная. – Я мама Иззи.

Грейс молчит. Она глядит на Мартина и, несмотря на теплый вечер, начинает слегка подрагивать.

– Поздравляю с благополучной починкой стиральной машины. – Мартин поднимает бокал и смотрит на жену.

Ева смеется, а Грейс молча осушает свой бокал, привстает и тянется за бутылкой, чтобы налить еще. На сиденье стула остается изящный отпечаток ее влажных ягодич. Мелисса еле удерживается, чтобы не спросить, откуда взялась кровотокающая ссадина на ее ладони. Но Мартин тоже заметил.

– Грейси, что у тебя с рукой? Господи, посмотри на себя. Похоже, стиралка сломалась, когда ты на нее налетела.

– Так оно и было. – Грейс опускает руки на колени, волосы падают на глаза. – Я чертовски неуклюжая.

Эти слова усугубляют царящую за столом тишину. Эрик молча поднимается с места и ставит бутылку рядом с тарелкой новой госты. Мартин качает головой. Первым начинает говорить Пол:

– Вы прекрасно выглядите после аварии. – Он расплывается в своей неотразимой улыбке, однако Грейс отводит глаза.

У Пола вытягивается лицо, и он залпом опрокидывает бокал. Мелиссе хочется улыбнуться: похоже, чары ее мужа совершенно не действуют на эту женщину. Мелисса глядит на ее сверкающие глаза, мокрое платье и испачканную кровью руку. История о стиральной машине явно выдумана. Остальные ни о чем не догадываются, но она-то чувствует, что Грейс перенесла

какой-то сильный стресс. Нечто очень тяжелое, о чем предпочитает молчать. Мелисса придвигает к ней салат, лосося и хлеб, к которым сама так и не притронулась. Наверное, Грейс попала в небольшую аварию и немного повредила машину, но слишком напугана и ошарашена, чтобы в этом признаться. Случись подобное с самой Мелиссой, она вела бы себя так же.

– Я тоже считаю, что вы потрясающе выглядите, – шепчет Мелисса, сознавая, что банальным комплиментом тут не помочь. Лицо Грейс смягчается, когда она смотрит в сторону сада. Мелисса тоже переводит взгляд на детей, пляшущих вокруг костра. Иззи, совершенно счастливая, кричит громче всех. Мелисса не может сдержать до неприличия широкую улыбку. Скрывая ее, она подносит руку ко рту. Грейс наблюдает за ней. Ее оценивающий взгляд кажется слегка отстраненным, но не враждебным.

– Иззи веселится на всю катушку, – признается Мелисса. – Она обожает малышей, будто сама возвращается в раннее детство.

– А мои не слишком общительны. Они спокойнее, если не сказать – угрюмее. Взрослеют, я надеюсь.

Грейс постукивает пальцами по столу. Под ее ногтями еле заметные следы подсохшей крови. Мелисса, понимая, что оказалась права, отводит глаза.

– Ева, а вы как думаете? – чуть повышает голос Грейс. – Наши дети взрослеют или, напротив, еще больше впадают в детство? Мы все никак не разберемся.

Ева прерывает беседу с Мартином и отрешенно переводит взгляд с предмета на предмет. Пока она собирается с мыслями, повисает пауза. Эрик подается вперед и пристально смотрит на жену.

– И то и другое. – Ева разводит руками. – Их мышление стало более сложным даже за то короткое время, пока мы занимались. Все они способны к абстрактным рассуждениям и критике. Но временами могут вести себя вызывающе.

– А Иззи? – спрашивает Мелисса, питая жгучую надежду, что ее дочь никому не грубит.

– Бывает, она немного нарушает правила, стараясь изменить план урока. Выпытывает, какова его цель, кто от этого выиграет и тому подобное. Она не всегда делает то, что я прошу, но это в некотором смысле хорошо, это признак зрелости.

– Значит, немного нарушает правила? Совсем как ее отец. – Пол выглядит довольным.

– Ты таким себя видишь? – Мелисса смотрит через стол на покрасневшее лицо мужа. Немного нарушающим правила?

– С другой стороны, после занятий они носятся по саду, совсем как малыши, – смеется Ева. – Эрик надеется, что новая детская площадка привяжет их к дому.

Она смотрит на качели, горку и деревянный домик, резко контрастирующие с размытыми очертаниями деревьев, едва различимых вдалеке под потемневшим небом.

Все взгляды устремляются в сад. Подсвеченные догорающими угольками костра детские силуэты танцуют, словно на затененных театральных подмостках. Глядя на них, Мелисса вспоминает сцену из оперы «Фауст», которую видела на Глайнборнском фестивале, куда они ездили в прошлом году с фирмой Пола. Солисты и хор собрались у пылающих врат ада, музыка с грохотом взлетела ввысь, и в темноту зала хлынула волна тревоги и страха. Эш шевелится и роняет капельку слюны на ее блузку. Жаровня погасла, становится свежо. Свечи почти догорели. Мелисса дрожит, борясь с желанием вскочить и позвать детей сюда, где светло.

На другом конце стола Мартин сокрушенно качает головой.

– ...никаких конкретных планов. Впереди целое лето скуки. А как у вас, Пол?

Пол, чуть ссутулившись, вертит в руках пустой бокал.

– Мы обычно снимаем виллу, – отвечает он, помахивая недокуренной сигарой. – Возможно, поедem на юг Италии. Иззи обожает водные виды спорта. Я, пожалуй, найму лодку или катер.

Иззи уже тринадцать, у нее появилась куча друзей. Теперь она, наверное, не захочет проводить каникулы с родителями. Могут начаться размолвки. Сердце Мелиссы сжимается.

Ева подается вперед, в отблесках свечей сияет ее покрасневшее лицо.

– Только что мне в голову пришла чудесная идея. – На ее правой щеке появляется ямочка, крохотная впадинка, которую Мелисса до сих пор не замечала. – Каждое лето мы отдыхаем в Греции, в старом доме моего отца на полуострове Пелопоннес. – Голос Евы дрожит от возбуждения. – Через месяц вы можете поехать туда вместе с нами. – Ева оглядывает сидящих за столом. Ее глаза сверкают, они какие-то другие, стали больше, что ли. Наверное, дело в макияже, которым она, насколько помнит Мелисса, прежде не пользовалась. – Там просто рай для детей. Сотни оливковых деревьев, среди которых можно заблудиться, – продолжает Ева. – Почему бы вам всем не составить нам компанию?

Кто-то ахает. Мелисса не уверена, что не она сама. Она смотрит на Грейс, у которой, по словам Мартина, почти не бывает выходных. У них явно нет денег на отпуск или на путешествия. Лицо Грейс ничего не выражает. Должно быть, она решила не придавать значения этому внезапному и необдуманному предложению, сделанному с благими намерениями, но абсолютно нереальному.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.